

К

А

К

В

С

Ё

Б

Ы

Л

О

Д

Ж

У

Л

И

А

Н

Б

А

и

Р

Н

С

Большой роман

Джулиан Барнс

Как все было

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д. П.

Как все было / Д. П. Барнс — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-14601-3

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Одна история», «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 101/2 главах», «Попугай Флобера» и многих других. Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое. Итак, перед вами современная лондонская комедия нравов – любовный треугольник скромного банковского служащего, талантливого неудачника и художницы-реставратора. Все трое рассказывают историю, каждый – свою: как это было с его точки зрения. Никаких описаний: вся книга, начинающаяся эпиграфом «Врет как очевидец (русская поговорка)», состоит из монологов и высказываний тех самых очевидцев, которые, по мнению автора и неизвестного русского гения, так замечательно врут. Читателю самому придется решать, как реагировать на происходящее: плакать ли, смеяться ли, или все сразу... Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14601-3

© Барнс Д. П., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

1	9
2	16
3	24
4	31
5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джулиан Барнс

Как всё было

© И. Бернштейн (наследники), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Разумеется, это блистательный, кавалерийский, рокошущий от внутренней мощи роман. Давним охотникам до барнсовских штучек в «Как всё было» раздолье: тут тебе и тотальная ирония, и сердечная франкофилия, и тонкие замечания о природе английскости, и виртуозная композиция... Это роман-конференция: в нем нет ни единого слова от автора. Персонажи, отделенные друг от друга, по очереди докладывают о случившихся с ними событиях – свой вариант; привирают, конечно, не без этого. Автор помалкивает, но его присутствие непостижимым образом чувствуется в романе... Сюжет прост, как «Колобок»: два закадычных приятеля и одна девушка, участники любовного треугольника, никак не могут поделить друг друга.

Лев Данилкин (Афиша)

По-милосердному элегантное и в то же время чрезвычайно поучительное решение предложил своим запутавшимся в любовном треугольнике героям Джулиан Барнс. Для оставившей мужа героини все обошлось без принудительной высадки на рельсы, а для обманутого мужа был разработан облегченный вариант «отелловского» сценария. А все потому, что персонажи, как люди современные, все происходящее проговаривают... Они сами расскажут, «как всё было».

Коммерсант Weekend

Книга начинается с предложения: «Врет, как очевидец (Русская поговорка)» – и заканчивается предложением: «Ты – старый дурень. В тебе, наверно, есть английская кровь». Между ними – три персонажа, представляющие три стороны любовного треугольника, рассказывают историю, каждый – свою. Как это было с его точки зрения. Иногда рассказ получается смешным, иногда трогательным, порой персонажи привирают (ведь нам, читателям, со стороны все видно), а порой они пронзительно искренни. Время от времени автор дает слово и каким-нибудь проходным персонажам. Никаких описаний: вся книга состоит из монологов и высказываний тех самых очевидцев, которые, по мнению автора и неизвестного русского гения, так замечательно врут. Никаких назиданий, комментариев, и вообще никакого намека на то, что у автора есть свой взгляд, отличный от взгляда его героев. Читателю самому придется решать, как реагировать на происходящее: плакать ли, смеяться ли, или все сразу.

Pulse

«Как всё было» – не просто современная комедия манер, но самая умная и забавная книга последних лет.

Chicago Tribune

Голоса трех рассказчиков с ювелирной тонкостью переплетаются, их истории противоречат друг другу – порой трогательно, а порой совершенно уморительно.

Village Voice Literary Supplement

Барнс – непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати – это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка – ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская (Psychologies)

Посвящается Пат

Врет, как очевидец.
Русская поговорка

1

Никто не пришел, не пришла, не пришли

СТЮАРТ: Меня зовут Стюарт, и я все прекрасно помню. Стюарт – это мое имя. А фамилия – Хьюз. Стюарт Хьюз, если полностью. Второго имени нет. Хьюз – фамилия моих родителей. Под этой фамилией они прожили в браке двадцать пять лет. А меня называли Стюарт. Мне сначала это имя не особенно нравилось – в школе дразнили Тютя, или Тюря, или еще как-то, – но теперь я к нему привык. Так и буду им пользоваться, пока не отвыкну.

Я, к сожалению, не очень-то умею острить, мне много раз говорили. В общем, Стюарт Хьюз – по мне, годится. Я не хотел бы называться Сент-Джон Сент-Джон де Вир какой-нибудь там Пембрук. Фамилия моих родителей была Хьюз. Теперь они умерли, но их фамилию ношу я. И когда я умру, меня все равно будут звать Стюарт Хьюз. В нашем грандиозном мире не так-то много бесспорных фактов, но это – факт, и спорить тут не о чем.

Вы поняли, к чему я веду? Нет, конечно, откуда вам. Я же только начал говорить. Вы меня еще совсем не знаете. Давайте начнем по новой. Привет, я – Стюарт Хьюз, рад познакомиться. Пожмем друг другу руки? Вот и прекрасно. Я просто хочу сказать, что все остальные здесь поменяли имя. Интересное наблюдение. Даже жутковатое.

И вот смотрите. Как правильно говорить: поменяли имя или поменяли имена? Это я нарочно так сказал, чтобы поддразнить Оливера. У нас с ним на эту тему был страшный скандал. Ну, не скандал, спор. Так сказать, диспут, расхождение во взглядах. Этот Оливер, он жуткий зануда. Он мой самый старинный друг, так что я имею право называть его жутким занудой. Джилл, когда познакомилась с ним (Джилл – это моя жена Джиллиан), сказала:

– А знаешь, твой друг говорит, как энциклопедический словарь.

Мы сидели на пляже, приехали из Фринтона, и как только он это услышал, сразу принялся за свои выкрутасы, у него они называются фантазмы, но это не мое слово. Я все равно не смогу изобразить, как он изощряется, это вам надо слышать самим, прицепится к какому-нибудь слову, и пошло-поехало. И тогда тоже:

– Какой же я словарь? Двухязычный? С алфавитным индексом на обресе? – И так далее. А под конец спрашивает: – Кто же захочет меня приобрести? Неужели никто? Никому не нужен. Обложка в пыли. Меня распродадут по сниженной цене, я уже вижу. Дешевая распродажа!

Запрокинул голову и давай выть в голос и шлепать ладонями по песку. Настоящий телеспектакль. Рядом за щитом от ветра пожилая пара с радиоприемником, так они прямо испугались. А Джиллиан только посмеялась.

Но это правда, что Оливер зануда. Не знаю, как вы относитесь к тому, когда говорят: «пара» и «испугались»? Наверно, вообще не обращаете внимания, велика ли важность. Но мы – Оливер, Джиллиан и я – затеяли по этому поводу диспут. С чего началось, не помню. У нас у каждого была своя точка зрения. Сейчас попробую изложить наши взгляды. Лучше всего, наверно, в виде протокола прений, как в правлении банка.

ОЛИВЕР заявил, что парные и множественные слова требуют глагола во множественном числе, а с относительными и отрицательными местоимениями в прошедшем времени употребляется глагол в единственном числе и в мужском роде. Иначе получится: «Никто не пришла», «Кто-нибудь подумали бы» и так далее.

ДЖИЛЛИАН возразила, что нельзя из обобщенного высказывания исключать половину человеческого рода, ведь в пятидесяти процентах случаев эти «кто-нибудь» и «никто» женского пола, так что по справедливости и по логике надо говорить: «Кто-то сказал или сказала», «Никто не пришел и не пришла».

ОЛИВЕР заметил, что мы обсуждаем грамматику, а не сексуальную политику.

ДЖИЛЛИАН сказала, что эти вещи нельзя разделять, ведь грамматику писали грамматисты, а они почти все или даже все без исключения – мужчины, чего от них ожидать; и вообще так подсказывает здравый смысл.

ОЛИВЕР закатил глаза, закурил сигарету и объявил, что само выражение «здравый смысл» внутренне противоречиво, если бы человек издревле полагался – тут он будто бы смутился и поправился: полагался или полагалась на здравый смысл, мы бы по сию пору обитали в глинобитных хижинах, питались всякой гадостью и слушали пластинки Дэла Шеннона¹.

СТЮАРТ внес предложение: поскольку мужской род звучит неточно, или оскорбительно, или и то и другое, а употреблять обе формы с союзом «или» громоздко и непривычно, напрашивается решение – пользоваться в таких случаях множественным числом: «Кто-нибудь подумали», «Никого не пришли». Стюарт выдвинул это компромиссное предложение в полной уверенности, что все будут довольны, и был изумлен тем, что его единодушно отвергли остальные участники диспута.

ОЛИВЕР сказал, что такая, например, фраза: «Кто-то просунули голову в дверь» звучит так, как будто бы человека два, но у них на двоих одна голова, эдакая жертва страшных советских опытов над людьми. Он упомянул также уродов, которых в прежние времена показывали на ярмарках, бородатых женщин, овечьих зародышей с отклонениями и еще множество подобных феноменов, но был призван к порядку и лишен слова Председателем (= мною).

ДЖИЛЛИАН заявила, что формы множественного числа звучат так же громоздко и глупо, как и перечисление через союз «или», и почему бы уважаемому собранию не быть последовательным до конца? Поскольку на протяжении многих веков от женщин требовали, говоря о людях вообще, пользоваться мужским родом, может быть, теперь внести в порядке компенсации, хоть и с опозданием, радикальные поправки, даже если они придутся кое-кому из мужского рода поперек горла?

СТЮАРТ продолжал настаивать на множественном числе, представляющем собой средний путь.

И на этом заседание было закрыто на неопределенный срок.

Я потом долго думал об этом разговоре. Три вполне разумных человека спорили по поводу нескольких мелких частных в употреблении глаголов и местоимений. И не смогли прийти к согласию. И это притом еще, что мы друзья. А договориться не смогли. Что-то в этом меня тревожило.

А как я вообще вышел на эту тему? Ах да. Все вокруг поменяли имя. Действительно, так оно и есть. И заставляет задуматься. Джиллиан, например. Она сменила фамилию, когда вышла за меня замуж. Девичья ее фамилия была Уайетт, а теперь она стала Хьюз. Я не лыщу себя мыслью, что ей очень хотелось взять мою фамилию. Скорее она хотела избавиться от фамилии Уайетт. Ведь это фамилия ее отца, а с отцом у нее были плохие отношения. Он бросил ее мать, и та потом много лет вынуждена была носить фамилию человека, который ее оставил. Не очень-то приятно для миссис Уайетт, или мадам Уайетт, как ее зовут некоторые, потому что она родом француженка. Я так подозреваю, что, возможно, Джиллиан хотела освободиться от фамилии Уайетт и этим прервать всякие связи с отцом (который, кстати сказать, даже не присутствовал на нашей свадьбе), показать мамаше, как та должна была поступить в свое время. Впрочем, мадам Уайетт не послушалась намека, если тут вправду был намек.

Что характерно, Оливер сказал, что тогда Джилл должна после замужества называться миссис Джиллиан Уайетт-или-Хьюз, раз уж ей так хочется быть до конца логичной, и грамматичной, и разумной, и справедливой, и чтобы без пол-литра не выговорить. Вот такой он, Оливер.

¹ *Дэл Шеннон* (1934–1990) – американский эстрадный певец, в Англии пользовался особенной популярностью в 60-е годы. (Здесь и далее – примеч. перев.)

Оливер. Его не так звали, когда мы познакомились. Мы с ним вместе учились в школе. Там он носил имя Найджел или иногда Н. О., а бывало, что Расс, потому что, вообще-то, он Найджел Оливер Рассел. Но Оливером его не звал никто. По-моему, мы даже и не знали, что означает буква О в его имени. Может быть, он что-нибудь нам наврал про это. Но факт таков. Я в университет не пошел. А Найджел поступил. И уехал. А после первого семестра вернулся уже Оливером. Оливер Рассел. А букву Н он вообще выкинул из своего имени, даже из чековой книжки.

Вот видите, я все помню. Он отправился в свой банк и заставил их там напечатать новые чековые книжки и подпись изменил, вместо «Н. О. Рассел» стал подписываться «Оливер Рассел». Я удивился, что ему позволили. Я думал, для этого нужно официально оформить изменение имени. Спрашивал у него, но он мне не объяснил. Сказал только, что пригрозил перевести свой «выбранный до нуля счетец» в другой банк.

Я не такой сообразительный, как Оливер. В школе я иногда получал более высокие отметки, чем он, но это – когда он не старался. Я лучше учился по математике, по физике и химии и где надо было что-то делать руками – он от одного взгляда на сверлильный станок в мастерской сразу притворялся, будто падает в обморок, – но уж если он в чем-то захочет меня переплюнуть, то переплюнет обязательно. Да и не меня одного, всякого. И он отлично ориентируется в обстановке. Когда на занятиях по военному делу была военная игра, Оливер всегда оказывался освобожденным. Вообще он здорово соображает, когда ему надо. И он мой лучший друг.

Оливер был у меня шафером на свадьбе. Не в буквальном смысле, это была не свадьба, а регистрация в мэрии, там шаферов не бывает. У нас даже спор возник по этому поводу, совершенно дурацкий; расскажу как-нибудь в другой раз.

Был чудесный июньский день, для свадьбы в самый раз. Небо с утра голубое, слабый ветерок. И нас шестеро: мы с Джилл, Оливер, мадам Уайетт, моя сестра (теперь разведенная, но тоже поменяла фамилию на мужнюю – что я вам говорил?) и престарелая тетка, десятая вода на киселе, которую мадам Уайетт выкопала в последнюю минуту. Ее фамилии я не расслышал, но наверняка не девичья.

Регистратор, солидный мужчина, держался в меру официально. Кольцо, которое я купил, лежало, поблескивая, на фиолетовой бархатной подушечке, пока не подошло время надеть его на палец Джилл. Я повторял слова брачного обета немного слишком громко, они отдавались от светлых дубовых стеновых панелей; а Джилл, наоборот, говорила почти шепотом, мы с регистратором и то едва слышали. Джилл и я были счастливы. Свидетели расписались в книге записей. Регистратор вручил Джилл брачное свидетельство и сказал: «Оно – ваше, миссис Хьюз, а этот молодой человек не имеет к нему никакого отношения». На фасаде мэрии были большие городские часы, под ними мы фотографировались. Первый снимок на пленке показывает 12 часов 13 минут, мы уже были женаты три минуты. А на последнем снимке – 12 часов 18 минут, мы женаты уже восемь минут. Некоторые кадры получились в несуразном ракурсе, это Оливер ваял дурака. Потом мы все пошли в ресторан и ели лососину на гриле. С шампанским. Оливер произнес речь. Он сказал, что ему полагается пить за здоровье невестинной подружки, но поскольку таковой в наличии не имеется, он с полным правом провозглашает тост за Джилл. Все засмеялись и захлопали, а Оливер принялся выражаться длинными учеными словами, и как скажет какое-нибудь непонятное ученое слово, мы кричали «ура». Мы сидели вроде как в такой задней комнатке, и один раз, когда он произнес особенно мудреное слово и мы особенно громко его приветствовали, к нам заглянул официант – узнать, не просим ли мы еще чего-нибудь, – и тут же скрылся. Оливер закончил речь, сел, его стали одобрительно хлопать по спине, а я сказал:

- Между прочим, сейчас *кто-то* сунули голову в дверь.
- Чего им надо было?

– Да нет же, – повторил я. – Кто-то сунули голову в дверь.

Он спросил:

– Ты что, спьяну?

Должно быть, он уже забыл. Видите? А я помню. Я все помню.

ДЖИЛЛИАН: Знаете что? По-моему, это никого не касается. Ей-богу. Я обыкновенное частное лицо. И сказать мне нечего. Теперь куда ни повернись, всюду полно людей, которые жаждут рассказать вам все о себе. Развернешь газету – там надрываются: «Выслушайте историю моей жизни!» Включишь телевизор – чуть не в каждой передаче кто-нибудь описывает свою жизнь, проблемы, разводы – как он или она рос или росла без отца, чем болел или болела, как страдал или страдала алкоголизмом, наркоманией, перенес или перенесла сексуальное насилие, банкротство, рак, или ампутацию, или психотерапию. Того оскопили, у этой отняли грудь, у кого-то вырезали аппендикс. Для чего это все рассказывать? Посмотрите на Меня! Выслушайте Меня! Неужели нельзя просто жить, как живется? Зачем обо всем непременно рассказывать?

Но из того, что у меня характер не исповедальный, вовсе не следует, что я беспамятная. Я помню, как мое венчальное кольцо лежало на толстой бархатной подушечке, как Оливер листал телефонную книгу в поисках смешных фамилий, помню, что я чувствовала. Но это все не для общественного пользования. Что я помню – мое дело.

ОЛИВЕР: Привет, я Оливер, Оливер Рассел. Сигарету хотите? Нет, конечно, я так и думал. Не против, если я закурю? Разумеется, я знаю, что это вредно для моего здоровья, оттого и люблю. Надо же, мы только-только познакомились, и вы уже наседаете на меня, как кровожадный защитник природы. Вам-то какое дело? Через пятьдесят лет меня уже не будет на свете, а вы будете бегать юркой ящеркой в массажных сандалиях, сосать йогурт через соломинку и пить коричневую болотную жижу. Нет, по мне лучше уж так.

Изложить вам мою теорию? Нам всем суждено умереть либо от рака, либо от инфаркта. Люди делятся на два основных типа: на тех, что закупоривают свои эмоции, и тех, что выпускают их со свистом наружу. Или, если угодно, на интровертов и экстравертов. Интроверты, как известно, держат все в себе – всю свою злость и самоотвращение, и эти сохраняемые внутри чувства, как опять же хорошо известно, порождают в их организме рак. Экстраверты же, наоборот, в открытую злятся на весь мир, перенося на других то отвращение, что испытывают к самим себе, и такие эмоциональные перегрузки вполне логично приводят к инфарктам. Либо то, либо это, третьего не дано. Так вот, лично я – экстраверт, и если казнию себя курением, зато не бросаюсь на людей и в результате оказываюсь нормальным, уравновешенным человеком. Вот такая у меня теория. А кроме того, у меня никотиновая зависимость, я курю с удовольствием.

Я Оливер. Я помню все, что существенно. А по поводу памяти могу сказать следующее. Заметьте, что большинство людей, которым за сорок, стонут и воют, как электропила, что у них, мол, память испортилась, стала хуже, чем была, или хуже, чем хотелось бы. А чего тут удивляться, по правде-то говоря? Зачем они держат в памяти столько ненужного хлама? Представьте себе огромный мусорный контейнер, доверху наполненный всякой дребеденью, – тут и совершенно заурядные воспоминания детства, и пять миллионов спортивных результатов, и лица разных несимпатичных людей, и сюжеты мыльных опер, и сведения, как удалять с ковра пятна от красного вина, и как зовут их парламентского депутата, и так далее, и тому подобное. Какое нахальство! Неужели они воображают, будто для памяти ценен весь этот вздор? Представьте себе ее в виде дежурного по камере хранения на многолюдном вокзале, где вы оставили до востребования вашу жалкую поклажу. А есть ли из-за чего человека затруднять?

И за такую мизерную плату! Да еще и спасибо не услышишь. Неудивительно, что там в окошке часто никого не дозовешься.

Я лично верю своей памяти только такие вещи, которые она будет хранить с сознанием важности возложенной на нее задачи. Например, я никогда не запоминаю телефонные номера. Свой номер еще с горем пополам помню, но если бы и пришлось поискать в телефонной книге против имени Оливера Рассела, тоже не велика беда. Некоторые люди, горькие выскочки в царстве мысли, твердят, что память-де надо упражнять, чтобы сохраняла подвижность и хорошую форму, как спортсмен. Ну да кто не знает, чем кончают спортсмены. Гребцы с раздутыми плечами едва доживают до средних лет, футболисты мучаются скрипучим, как старая дверь, артритом. Разрывы сухожилий, заживая, деревенеют, диски спекаются. Побывайте на встрече старых одноклубников, и вы увидите гериатрическую больничную палату. А ведь если бы они не перетруждали сухожилия...

Словом, я свою память стараюсь щадить и баловать и подкидываю ей, чтобы не соскучилась, только отдельные лакомые кусочки. Например, тот обед после свадьбы. Мы пили прекрасное молодое игристое шампанское, выбор Стюарта (марку, убейте, не помню; *mis en bouteille par Les Vins de l'Oubli*² и ели *saumon sauvage grillé avec son coulis de tomates maison*³. Я бы выбрал другое, но со мной не советовались. Нет, все было хорошо, может быть, чуть-чуть не хватало фантазии... Мадам Уайетт, с которой мы сидели рядом, была, судя по всему, вполне довольна, во всяком случае, семга ей уж точно понравилась. Но она старательно отодвигала розовые прозрачные кубики, окружавшие рыбу, а потом повернулась ко мне и спрашивает:

– Что бы это такое могло быть, по-вашему?

– Помидор, – удовлетворил я ее любопытство. – Со снятой кожицей, вырезанной сердцевинкой, удаленными зернышками и нарезанный кубиками.

– Что за идея, Оливер, выделить и удалить все, что придает овощу его характер?

Здорово сказано, а? Я взял ее руку и поцеловал.

В то же время, боюсь, я не смогу вам сказать, был ли Стюарт на своей свадьбе в средне-темно-сером костюме или же в темно-темно-сером.

Понимаете меня?

Помню, какое в тот день было небо: облака вились и клубились, как узор на форзаце старой книги. Немного слишком ветрено. Входя в мэрию, все приглаживали волосы. Потом ждали десять минут у низкого столика, на котором лежали три лондонские телефонные книги и три экземпляра «Желтых страниц». Олли развлекал компанию, выбирая в справочнике подходящих специалистов, скажем, в рубрике «Бракоразводные дела» или «Продажа резиновых изделий». Но смех не разгорался. Потом нас впустили. Встретил нас маленький и тусклый прилизанный чиновник, на плечах – россыпи перхоти, будто пыльным мешком ударенный. Представление прошло, можно считать, с успехом. На лиловом бархатном ложе поблескивало кольцо, похожее на внутриматочное противозачаточное устройство. Стюарт прокричал свой текст, будто стоял перед военно-полевым судом и недостаточно громко и внятно произнесенное слово означало несколько дополнительных лет за решеткой. А бедняжка Джилл пролепетала свои ответы еле слышно. По-моему, она плакала, но присматриваться я счел вульгарным. Потом мы снова вышли на крыльцо, где были сделаны снимки. У Стюарта, на мой вкус, был невозможно самодовольный вид. Конечно, он мой лучший друг и праздновалась его свадьба, но его просто распирало от самодовольства, поэтому я позаимствовал фотоаппарат и объявил, что надо сделать несколько художественных снимков для свадебного альбома. Я плясал вокруг новобрачных, и снимал из положения лежа, и поворачивал объектив на 45 градусов, и подходил так близко, что все поры видны, но на самом деле цель у меня была одна: запечатлеть на

² Розлив фирмы «Вина забвения» (фр.).

³ Свежеразделанный лосось на гриле под фирменным томатным соусом (фр.).

пленке Стюартов двойной подбородок. А человеку всего тридцать два года. Ну, может быть, двойной подбородок – слишком сильно сказано; просто обвисшие свиные брылья. Но фотообъектив в руках истинного художника способен придать им выпуклость и лоск.

Стюарт... Нет, погодите. Вы ведь с ним уже говорили, верно? Говорили, говорили, я вижу. Я почувствовал по легкому сомнению во взгляде, когда упомянул двойной подбородок. То есть вы не заметили? Ну, может быть, в полумраке, и освещение сзади... Да он еще, наверно, выдвинул нижнюю челюсть для эффекта. По моему мнению, такой подщечный мешок меньше бросался бы в глаза, если бы стрижка была подлиннее, но он никогда не дает жизненного пространства своей жесткой мышшиной шевелюре. И это при круглой физиономии и глазках-пуговках, добродушно выглядывающих из далеко не модных очков. Я хочу сказать, он симпатяга малый, но нуждается в обработке, вы согласны?

Как вы сказали? Он был без очков? Не может быть. Я знаком с ним еще с тех времен, когда он был учителю по колено, и он всегда... ну, не знаю, разве что он тайно перешел на линзы и проверял их на вас. Ну хорошо. Возможно. Все возможно. Допускаю, что он хотел придать своему лицу более агрессивное выражение, чтобы у себя в офисе в Сити, где он глазеет на нервно дрожащий экранчик и твякает в мобильничек насчет нового транша фьючерсов на свинец, или как это все у них называется, чтобы в этой своей норке выглядеть хоть самую малость мужественнее, чем мы наблюдаем его в реальной жизни. Но в магазинах «Оптика», особенно торгующих оправками в старинном вкусе, он исправно поддерживает коммерцию с тех еще времен, когда мы учились в школе.

А что вы ухмыляетесь? Мы вместе учились... А-а, понимаю. Стюарт напел вам про то, что я изменил имя, верно? Это у него пунктик. Сам-то он Стюарт Хьюз, такое гладкое, скучное имя, гарантированная успешная карьера в торговле мягкой мебелью, где не требуется никакой квалификации, а только безупречные имя и фамилия, сэр, – он готов на них откликаться до гробовой доски. А Оливера когда-то звали Найджел. *Mea culpa, mea maxima culpa*⁴. Вернее, не моя. Вернее, спасибо, мама. Как бы то ни было, невозможно же на протяжении целой жизни оставаться Найджелом, правда? Даже на протяжении целой книги невозможно. Некоторые имена очень скоро теряют пригодность. Например, вас называли Робин. Вполне подходящее имя лет эдак до девяти. Но потом возникает необходимость что-то с ним сделать, вы согласны? Сменить его с соблюдением всех формальностей на Самсона, или там Голиафа, или еще на что-нибудь. А бывает и наоборот. Например, Уолтер. Нельзя быть Уолтером в детской коляске. На мой взгляд, имя Уолтер вообще можно носить только после 75 лет. Так что если вас хотят окрестить Уолтером, надо, чтобы перед ним стояло два других имени, одно на то время, пока вы в коляске, и одно на весь долгий срок, пока не доживете до Уолтера. Например, можно вас записать Робин Бартоломью Уолтер. Выглядит довольно нелепо, но может, и ничего.

Словом, я поменял Найджела на Оливера. Оливер всегда было моим вторым именем. Оливер Найджел Рассел – смотрите-ка, произношу и даже не краснею. Я уехал в Йоркский университет под именем Найджел, а приехал после первого семестра Оливером. А что особенного? Все равно как уйти в армию, а на побывку домой явиться при усах. Не более чем знак инициации. Но старина Стюарт почему-то никак не может с этим смириться.

Вот Джиллиан – хорошее имя. Подходит ей. И менять не надо.

И Оливер подходит мне, как вам кажется? Неплохо сочетается с моими жгуче-черными волосами, обаятельными желтыми зубами и тонкой талией, с моей неизменной заносчивостью и полотняным костюмом, на котором осталось невывыводимое пятно от красного вина. Согласуется с тем, что у меня на счете не осталось ни гроша, и с тем, что я разбираюсь в живописи. И что кому-то хотелось бы съездить мне сапогом по морде. Например, тому питекантропу-управляющему, к которому я заявился в конце первого семестра. Такие типы, как он, чуть услышат,

⁴ Латинская формула покаяния: «Моя вина, моя величайшая вина».

что учетная ставка в банке поднялась на десятую долю процента, и у них эрекция. Так вот, этот питекантроп, этот... Уолтер завел меня в свой неприличный закуток, уведомил меня, что мое желание заменить в чековой книжке «Н. О. Рассел» на «Оливер Рассел» он не рассматривает как вопрос первостепенной важности для политики банка на восьмидесятые годы, а затем напомнил, что в случае непоступления на мой счет суммы, достаточной, чтобы закрасить черную дыру овердрафта, я вообще не получу новой чековой книжки, назовись я хоть Санта-Клаусом. В ответ я с ходу перестроился, умело подпустил подхалимажа, потом покрутил у него перед носом моим прославленным обаянием, и старый Уолт охнуть не успел, как очутился у моих ног на коленях, заклиная о пощаде. И я, так уж и быть, позволил ему подписать разрешение на перемену имени.

Знакомые, которые звали меня Найджел, все куда-то подевались. Кроме Стюарта, конечно. Попросите Стюарта, он вам расскажет про нашу школьную жизнь. Я, разумеется, не оскорблял мою память требованием хранить весь этот банальный хлам. А Стюарт, бывало, от нечего делать принимался перечислять в алфавитном порядке: «Адамс, Айткен, Аптед, Белл, Беллами...» (Фамилии я сейчас, естественно, выдумал.)

– Что это? – спрашивал я. – Твоя новая мантра?

Он хлопал глазами. Наверно, думал, что мантра – это такая модель автомобиля. «Олдсмобил Мантра».

– Да нет. Ты разве не помнишь? Это наш пятый «А». Старый Бифф Воукинс был у нас классным руководителем.

Но я не помню. Не желаю помнить. Воспоминание – это волевой акт. Так же, как и забвение. Мне кажется, я начисто искоренил из памяти мои первые восемнадцать лет, сделал из них безвредное пюре для детского питания. А каково было бы существовать под тяжестью всего этого? Первый велосипед, первые слезы, старый мишка с откусанным ухом. Это мало того что неэстетично, но еще и вредно. Если слишком хорошо помнить свое прошлое, начнешь еще, пожалуй, винить его за настоящее. Смотрите, что со мной делали, вот почему я такой, это не моя вина. Позвольте поправить вас: вина-то, вернее всего, как раз ваша. И увольте меня от подробностей.

Говорят, чем старше становишься, тем отчетливее вспоминаешь раннее детство. Одна из ловушек, поджидающих впереди, – месть старческим слабоумием. Кстати, я излагал вам мою теорию жизни? Жизнь подобна вторжению в Россию. Начало похода – блиц, блестят кивера, пляшут плюмажи, как переполошившийся курятник; лихой рывок вперед, воспетый в красноречивых донесениях, противник отступает; а затем долгий, унылый, изматывающий поход, сокращаются рационы, и в лицо летят первые снежинки. Противник сжигает Москву, и вы начинаете отход под натиском генерала Января, у которого ногти – ледяные сосульки. Горестная ретирада. Казачьи набеги. И кончается тем, что вы падаете, убитый из пушки мальчишкой-канониром при переправе через польскую речку, которой даже вообще нет на карте у вашего генерала.

Я не желаю стареть. Увольте меня от этого. Можете? Увы, даже вам это не под силу. Ну так возьмите вот сигарету. Берите, берите, закуривайте. Не хотите, не надо, воля ваша. Дело вкуса.

2

Не одолжишь ли соверен?

СТЮАРТ: В каком-то смысле можно только удивляться, что «Эдвардиан» по-прежнему выходит, меня это скорее радует. Удивительно и что наша школа до сих пор существует. Когда в стране разделялись с классическими школами и вместо них устраивали единые средние, и местные школы второй ступени, и приготовительные колледжи, и всех смешивали со всеми, в то время как-то не нашлось, с кем слить школу Святого Эдварда, и нас не тронули. Так наша школа сохранилась, и вместе с ней сохранился и журнал выпускников. Первые годы после школы он меня не особенно занимал, но теперь, когда прошло – сколько? – наверно, лет пятнадцать, я встречаю много интересного среди того, что там пишут. Увидишь знакомую фамилию, и приходят разные воспоминания. Надо же, говоришь себе, вот уж никогда не думал, что Бейли будет управлять всеми операциями в Юго-Восточной Азии. Помню, его один раз спросили, какая главная культура экспортируется из Таиланда, а он ответил: транзисторные радиоприемники.

Оливер говорит, что он про школу ничего не помнит. Как он выражается, в этот колодец он может бросить камень и никогда не услышит всплеска. Я ему рассказываю, что интересного пишут в «Эдвардиане», но он только зевает и скучливым голосом переспрашивает: «Кто, кто?» Но я подозреваю, что он притворяется, а на самом деле ему интересно. Правда, своими воспоминаниями он не делится. Возможно, что в разговорах с посторонними людьми он делает вид, будто учился в более шикарной школе, вроде Итона. Это на него похоже. Я лично считаю, что какой ты есть, такой есть, и нечего прикидываться другим. А Оливер меня поправляет, он говорит, что человек таков, каким хочет казаться.

Мы довольно разные, Оливер и я, как вы уже, конечно, заметили. Многие даже удивляются, что мы дружим. Вслух не говорят, но я чувствую. Мол, мне здорово повезло, что у меня такой друг. Оливер производит на людей впечатление. У него хорошо подвешен язык, он бывал в дальних странах, владеет иностранными языками, разбирается в искусстве – и не как-нибудь, а всерьез, – и носит просторные костюмы, словно бы с чужого плеча, это мода такая, как утверждают знающие люди. У меня все не так. Я не всегда умею складно выразить то, что думаю, – кроме как на работе, понятное дело; я был в Европе и в Штатах, но в такие края, как Ниневия и Дальний Офир, не забирался; на искусство у меня почти совсем нет времени, хотя я, конечно, не против искусства (иной раз в машине послушаешь по радио хороший концерт; и во время отпуска, как все люди, могу прочесть книжку-другую); и я не уделяю особого внимания одежде, лишь бы прилично выглядеть на работе и удобно чувствовать себя дома. Но, по-моему, Оливеру нравится, что я такой, какой есть. Вздумай я подражать ему, все равно бы из этого ничего не вышло. Да и потом, еще одна разница между нами: у меня есть кое-какие деньги, а у него вообще ничего, во всяком случае, ничего такого, что назвал бы деньгами человек, который деньгами занимается профессионально.

– Одолжи соверен, а?

Это были первые слова, которые он мне сказал. Мы с ним сидели в классе рядом. Нам было по пятнадцать. Мы уже две четверти проучились вместе, но друг с дружкой толком не общались, у каждого были свои приятели, и потом, в Сент-Эдвардсе учеников рассаживали по результатам экзаменов за прошедшую четверть, так что где уж мне было рассчитывать на место с ним рядом. Но, видно, я ту четверть окончил удачно, или он занимался спустя рукава, или и то и другое, во всяком случае, нас посадили рядом, и Найджел, как он тогда себя называл, попросил у меня соверен.

– На что тебе?

– Какая колоссальная бестактность. Тебе-то какое дело?

– Ни один благоразумный финансист не выдаст кредита, если неизвестно его назначение, – ответил я, и на мой взгляд – вполне здраво, но Найджел почему-то рассмеялся. Бифф Воукинс за учительским столом поднял голову – был час самостоятельных занятий – и посмотрел на него вопросительно. Даже более чем вопросительно. Найджел еще сильнее расхохотался и сначала не мог выговорить ни слова в свое оправдание. А потом говорит:

– Прошу прощения, сэр. Я очень извиняюсь. Но Виктор Гюго иногда бывает так необыкновенно забавен.

И прямо зашелся от смеха. А я почувствовал себя ответственным за него.

После урока Найджел объяснил мне, что деньги ему нужны на покупку какой-то замечательной рубашки, которую он себе где-то присмотрел. Я поинтересовался ликвидным потенциалом товара на случай банкротства, что опять вызвало его смех. Но я сформулировал свои условия: пять простых процентов с капитала еженедельно и срок возврата – четыре недели, в противном случае процентная ставка удваивается. Он обозвал меня лихоимцем – я тогда впервые услышал это слово, – возвратил мне через четыре недели один фунт и двадцать пенсов, щеголял по выходным в новой рубахе, и с этого времени мы стали друзьями. Решили дружить, и дело с концом. В пятнадцать лет не обсуждают, дружить или не дружить, а просто становятся друзьями. Необратимый процесс. Некоторые удивлялись, и помню, мы тут немного подыгрывали. Найджел делал вид, будто относится ко мне свысока, а я притворялся, будто по глупости этого не замечаю; он стал еще больше умничать, а я прикидывался еще большим тупицей. Но мы-то знали, что это игра, мы были друзья.

И остались друзьями, даже несмотря на то, что он поступил в университет, а я нет, что он ездил в Ниневию и Дальний Офир, а я нет, что я получил постоянную работу в банке, а он перескакивал с одной временной работы на другую и кончил тем, что стал преподавать английский как иностранный в одной школе, что в переулке, как свернуть за угол с Эджвер-роуд. Эта школа называется «имени Шекспира», там над входом неоновый британский флаг, он то зажигается, то гаснет, и Оливер говорит, что пошел туда работать из-за этого флага, ему нравится, как он все время мигает; но на самом деле он просто нуждается в заработке.

А потом появилась Джиллиан, и нас стало трое.

Мы с Джилл условились, что никому не расскажем, как мы познакомились. Говорим, что один мой сослуживец по фамилии Дженкинс повел меня после работы в винный погребок по соседству, и там оказалась его старая приятельница, а с нею ее знакомая. Это и была Джиллиан, и мы с ней сразу вроде как приглянулись друг другу и условились встретиться снова.

– Дженкинс? – переспросил Оливер, когда я ему изложил все это и притом немного волновался, хотя мне кажется, что волновался я потому, что рассказывал про Джиллиан. – Это который из арбитража?

Оливер любит делать вид, будто он в курсе моих дел, и время от времени авторитетным тоном ввернуть специальное словечко-другое. Я теперь пропускаю их мимо ушей.

– Да нет, – отвечаю. – Он тогда был у нас новенький. А теперь уже бывший. Недолго у нас проработал. Не потянул.

И это чистая правда. Я нарочно решил сослаться на Дженкинса, потому что его уволили, теперь иди его ищи.

– Что ж. По крайней мере, он успел подкинуть тебе *tranch de bonheur*⁵.

– Чего-чего? – спросил я, строя из себя Тупицу Стю; а он самодовольно ухмыльнулся, изображая Умника Олли.

На самом-то деле я всегда плоховато умел знакомиться. Одним людям это от природы дается легко, а другим нет. У нас была совсем не такая семья, где полно разной родни и посто-

⁵ Порция счастья (*фр.*).

янно кто-нибудь да «забежит на огонек». К нам во все время, что я жил в родительском доме, никто на огонек не забегал. Родители мои умерли, когда мне было двадцать, сестра перебралась в Ланкашир, поступила в медсестры и вышла замуж, на том и кончилась наша семья.

Я жил один в маленькой квартирке в Стоук-Ньюингтоне, ездил на работу, иногда задерживался там допоздна и понемногу тосковал. Характер у меня нельзя сказать чтобы общительный. Если я знакомлюсь с кем-то, кто мне симпатичен, то не говорю этого и не показываю и особенно не расспрашиваю, а наоборот, замыкаюсь и помалкиваю, как будто сам понравиться даже не хочу и знаю, что никакого интереса не представляю. Ну и понятно, ко мне особого интереса и не испытывают. В другой раз я помню об этом, но вместо того, чтобы учиться на ошибках, замыкаюсь еще больше. Похоже, половина человечества – люди, уверенные в себе, другая половина – неуверенные, и непонятно, как перепрыгнуть из этой половины в ту. Чтобы быть уверенным в себе, надо иметь уверенность в себе – порочный круг.

В объявлении было сказано: **ВЫ – МОЛОДОЙ РАБОТНИК УМСТВЕННОГО ТРУДА? ВАМ ОТ 25 ДО 35? ВЫ СЛИШКОМ МНОГО СИЛ ВКЛАДЫВАЕТЕ В РАБОТУ, И ИЗ-ЗА ЭТОГО У ВАС ПРОБЛЕМЫ С ДРУЖЕСКИМ ОБЩЕНИЕМ И ОТДЫХОМ?** Хорошо составленное объявление. Не похоже на обычную тусовку, где подбирают себе пару на выходные дни. И без намека, что, мол, сам виноват, если тебе некуда податься после работы. Наоборот, как видишь, это обычная вещь, случается со всеми, даже с самыми приличными людьми, и единственно разумное, что тут можно предпринять, это просто заплатить 25 фунтов и явиться в некий лондонский отель, где тебе поднесут стаканчик хереса, а уж что из этого получится, посмотришь, даже если ничего, то все равно ничего унижительного в этом не будет.

Я думал, раздадут карточки с именами – прикалывать, как на конференциях; но они, наверно, хотели доказать нам, что уж собственное-то имя мы все-таки способны выговорить. Там имелся распорядитель, как бы за хозяина, он встречал каждого вновь прибывшего, наливал хереса и водил от группы к группе, представлял, но нас было так много, всех не упомнишь, так что волей-неволей приходилось называться самим. А может, он нарочно делал вид, что не помнит имен.

Я разговаривал с одним заикой, который учился на риелтора, и тут распорядитель подводит к нам Джиллиан. То, что мой собеседник заикался, придало мне, я думаю, храбрости. Нехорошо, конечно, но со мной это тоже много раз бывало: говоришь что-нибудь занудное, и вдруг человек, стоящий рядом, превращается в остроумца. Это я давно заметил. Элементарный закон выживания – найди кого-нибудь, кому хуже, чем тебе, и рядом с таким человеком ты расцветаешь.

Ну, может быть, «расцветаешь» – преувеличение, но я стравил Джиллиан пару-тройку Оливеровых шуточек, мы потолковали про то, как стеснялись сюда прийти, тут выясняется, что она наполовину француженка, я что-то подходящее по этому поводу ввернул, риелтор пытался рассказать нам про Германию, но мы не стали слушать, и я сам оглянуться не успел, как уже отодвинул его плечом, чтоб не лез, и говорю ей: «Слушайте, вы только-только пришли, я понимаю, но может, нам поехать куда-нибудь поужинать? Можно и не сегодня, если у вас вечер занят, а?» Говорю вам, я сам себя не узнавал.

- А вы думаете, тут позволено так скоро уезжать?
- Отчего же нет?
- Разве мы не должны сначала со всеми перезнакомиться?
- Это не обязательно. Никто нас не заставляет.
- Тогда ладно.

Она улыбнулась мне и потупилась от смущения. Мне это понравилось. Мы поужинали вдвоем в итальянском ресторане. А через три недели возвратился Оливер из каких-то экзотических стран, и нас стало трое. Все лето мы повсюду бывали втроем. Как в том французском фильме, где они вместе ездят на велосипедах.

ДЖИЛЛИАН: Я не смущалась. Я нервничала, это да. Но не смущалась. Большая разница. Смущался Стюарт. Он застенчивый, это у него на лице было написано. Он стоял со стаканом хереса в руке, на висках бисеринки пота, видно, что человек не в своей тарелке и мучительно старается преодолеть смущение. Правда, там никто не был – или не была – в своей тарелке. Я еще, помню, подумала, что мы пришли сюда с целью купить себе кого-нибудь, но не знаем, как за это взяться, в нашем обществе не учат, как покупать людей.

Стюарт для начала попробовал рассказать несколько анекдотов. Получилось не очень удачно, так как он был скован, да и анекдоты оказались плоские. Затем упомянули Францию, он сказал что-то банальное, вроде того, что, мол, всегда можно узнать по запаху, что находишься во Франции, даже с завязанными глазами. Но главное – он старался, старался подействовать не только на меня, но и на себя самого, и это было очень трогательно. На самом деле очень трогательно.

Интересно, что случилось с тем зайкой, который хотел рассказать про Германию? Надеюсь, он нашел себе кого-нибудь.

И что случилось с Дженкинсом?

ОЛИВЕР: Не говорите. Дайте мне самому догадаться. Сейчас наведу телепатию на мирную, взъершенную и слегка стеатопигую фигуру моего друга Стю. Стеатопигий? Это такой термин, означает – с оттопыренной задницей; готтентотский *derrière*⁶.

«Жюль и Джим». Правильно? Я попал в точку. Он одно время часто говорил про этот фильм, но только со мной. А с Джиллиан – никогда. Оскар Вернер, невысокий такой блондин, возможно даже – рискну сказать, – стеатопигий, Жанна Моро, и долговязый, темноволосый, элегантный – как бишь его? забыл фамилию – красавчик. Словом, подбор исполнителей не вызывает вопросов. Вопрос только в том, какой там сюжет. Вроде бы все едут вместе на велосипедах, переезжают по мосткам, всячески резвятся, так? Ну, вот. Но как характерно для Стюарта припомнить для сравнения именно этот фильм – неплохой, но далеко не центральный в истории послевоенного кинематографа. Стюарт, я должен вас заранее предупредить, принадлежит к тем людям, для которых моцартовский концерт К 467 – это «концерт Эльвиры Мадиган». А вершина классической музыки – это когда струнный оркестр изображает птичье пение, или бой часов, или забирающийся в гору пыхтящий паровозик. Какое милое простодушие, не правда ли?

Возможно, он прослушал курс лекций по французскому кино в расчете на то, что оно ему поможет знакомиться с девушками. В этом он был не силен. Иногда я ему помогал: устраивал двойные свидания, но каждый раз кончалось тем, что обе девушки дрались за вашего покорного слугу, а Стюарт куксился в углу, демонстрируя обаяние улитки. Бог ты мой, что это были за вечера! Боюсь, после них наш Стюарт проявлял склонность валить с больной головы на здоровую.

– Ты бы должен был больше мне помогать, – с чувством корил он меня.

– Я? Помогать тебе? Я нашел девушек, я познакомил с ними тебя, я организовал вечер по нарастающей, а ты сидел в сторонке и сверкал глазами, как карлик Хаген из «Гибели богов», прошу меня простить за интеллигентное сравнение.

– Я иногда думаю, что ты берешь меня с собой, только чтобы было кому платить по счету.

– Если бы я загребал монету на бирже, – напомнил я ему, – а ты был бы моим самым близким другом и без работы, и ты привел бы двух вот таких классных девиц, я бы почел за честь заплатить по счету.

⁶ Зад (фр.).

– Прости, – согласился он. – Просто, по-моему, тебе не следовало говорить им, что я чувствую себя неуверенно в женском обществе.

– Ах, вот, оказывается, в чем дело! Теперь понятно. Но ведь общая сверхзадача была – чтобы все держались естественно и раскованно.

– А мне кажется, ты не хочешь, чтобы у меня была девушка, – мрачно заключил Стюарт.

Вот почему я так удивился, когда он откопал Джиллиан. Кто бы мог в это поверить? И тем более кто бы мог поверить, что он подцепил ее в винном баре? Вообразите сцену: у стойки на табурете сидит Джиллиан в атласной юбке с разрезом до бедра, Стюарт непринужденно поправляет узел галстука, подсчитывая на компьютере в своих часах виды на дальнейшее повышение курса иены, а бармен без слов знает, что «мистер Хьюз, сэ» желает сухой мадеры урожая 1918 года позднего сбора, и подает ее в рюмке специальной формы, обеспечивающей концентрацию запаха. Стюарт подсаживается на соседний табурет, испуская тонкий мускусный дух мужской сексуальности, Джиллиан просит огонька прикурить сигарету, Стюарт вынимает из кармана своего мешковатого пиджака от Армани зажигалку «Данхилл» в черепаховом корпусе и...

Словом, ладно врать. Обратимся к реальности. Я имел случай выслушать его подлинный рассказ со всеми трепетными, придыхательными деталями, и, честно признаться, он производит именно такое впечатление, какого и можно было ожидать. Некий скудоумный банковский служащий, неделю спустя умудрившийся вылететь с работы (а надо быть действительно скудоумным, чтобы тебя выгнали оттуда), однажды вечером после работы зашел со Стюартом в винный бар «Сквайрс». Я заставил Стюарта несколько раз повторить это: винный бар «Сквайрс».

– Как надо понимать? – затеял я перекрестный допрос. – Это заведение принадлежит лицу, считающему себя сквайром, или же там собираются сквайры вроде тебя, когда желают пропустить по стаканчику?

Стюарт подумал, потом сказал:

– Я тебя не понял.

– Тогда спрашиваю иначе: это множественное число или притяжательная форма?

– Не знаю.

– Но как же так? Должно же что-то подразумеваться. – Мы несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. По-моему, Стюарт так и не уразумел, о чем я толкую. Он, кажется, заподозрил, что я просто не хочу слушать его оперу «Поль и Виргиния»⁷ в современных костюмах. – Ну ладно, прости. Рассказывай дальше.

И вот, значит, сидят они, Скудоумец и Стю, в винном баре «Сквайрс», и вдруг, представьте себе, туда входит *vielle flamme*⁸ Скудоумца, а за нею не кто-нибудь, а наша Джиллиан. Дальнейший ход событий в этом любовном квартете был бы вполне предсказуем, если бы только одним из его участников не выступал Стюарт, каковой Стюарт в подобных ситуациях ведет себя как батон хлеба, еще не вынутый из обертки. Каким образом ему удалось на сей раз вырваться на свободу из сумрачной темницы незаметности? Я задал ему этот трудный вопрос, разумеется, в более тактичной форме, и бесценный его ответ храню в памяти до сих пор:

– Мы вроде как разговорились. И вроде как нашли общий язык.

Узнаю Стюарта. Кто это сказал? Тристан? Дон Жуан? Казанова? Или очень нехороший маркиз? Нет, это слова моего друга и приятеля Стюарта Хьюза. «Мы вроде как разговорились. И вроде как нашли общий язык».

Вы, кажется, опять смотрите на меня с осуждением? Можете ничего не говорить. Я знаю. Вы находите меня высокомерной дрянью, верно? Но вы не правы. Вы не уловили интонацию. Я это рассказываю в таком тоне, потому что Стюарт – мой друг. Мой лучший друг. И я его люблю,

⁷ Опера французского композитора Виктора Массэ на сюжет Бернарден де Сент-Пьера, постановка 1876 г.

⁸ Старинная пассия (фр.).

вот такого. Мы дружим давным-давно, с незапамятных лет, когда еще продавались пластинки моно; когда еще не был выведен фрукт киви; когда представитель Автомобильной ассоциации в полувоенной форме еще приветствовал на шоссе проезжих автомобилистов; когда за полтора медных гроша можно было купить пачку «Голд флейк» и еще оставалось на кувшинчик медового напитка. Вот какие мы с ним старинные друзья, со Стюартом. И кстати, не советую вам его недооценивать. Может, он не такой уж прыткий, может, турбина у него на верхнем этаже раскручивается не так быстро, как в моторе гоночного автомобиля. Но в конце концов он все соображает, все, что требуется. И бывает, что раньше меня.

«Не мог бы я занять у тебя один фунт?» Мы сидели с ним на соседних скамейках в этой нашей школе, не помню, как ее называли (Стюарт помнит, спросите его). Я полагал, что элементарная вежливость требует завязать добрососедские отношения с этим мальчиком, который до сих пор не блистал способностями, а теперь вот как-то сумел временно подняться к вершинам. И можете себе представить? Вместо того чтобы немедленно раболепно раскошелиться, как поступил бы на его месте всякий уважающий себя плебей, за право подышать одним воздухом с высшими, он принялся выдвигать и обговаривать условия. Проценты, начисления, дивиденды, законы рынка, коэффициенты оборачиваемости, и так далее, и тому подобное. Чуть ли не убедил меня присоединиться к Европейской монетарной системе, когда все, что мне было надо, это стрельнуть у него золотой. А потом еще поинтересовался, для чего мне эти деньги! Как будто это его касается. Как будто я сам знал. Я ушам своим не поверил и рассмеялся, так что старый геккон, который руководил классом, неодобрительно расфуфырил горжетку и посмотрел на меня с осуждением. Я как-то отбрехался, успокоил его и продолжил переговоры с моим округлым и финансово-цепким новым приятелем. Спустя несколько месяцев я ему долг вернул, хотя и пренебрег его дурацкими условиями, предостережениями и процентами, поскольку, честно говоря, ничего в них не понял, и с той поры мы с ним – закадычные друзья-приятели.

У него была подруга. Я имею в виду, до Джиллиан. Еще в те времена, когда за полтора медных гроша, и т. д. И можете себе представить? – я знаю, он не против, чтобы это стало известно, – он с ней не спал! Вы поняли? Ничего такого. Отказывался вступать во владение ее узкими чреслами⁹. А когда после нескольких месяцев такого стахановского целомудрия отчаявшаяся девица позволила себе сунуться к нему с лаской, он ей сказал, что, видите ли, хочет сначала узнать ее получше. Она же тебе это как раз и предлагала, *dummkopf*¹⁰, сказал я ему. Но Стюарт и слушать не стал. Нет, он не из таких.

Конечно, не исключено, что он мне наврал, но на это потребовалось бы более богатое воображение. Кроме того, у меня есть и подтверждающие данные. Специалисты из военного ведомства выявили определенное соотношение между аппетитом и сексом. (Не верите? Тогда позвольте привести следующее неопровержимое доказательство. Один из самых главных человеческих феромонов, иначе говоря, сексуальных возбудителей, изобутиральдегид, в ряду углеводородов стоит непосредственно после запаха... молодой фасоли! Вот так-то, *amigo*¹¹.) Стюарт, как вы вскоре убедитесь, если еще не убедились, убежден, что основной *raison d'être*¹² пищи состоит в том, чтобы скрывать от людских глаз уродливые узоры на дне тарелки. В то время как, скажем не хвастая, с молодым Олли мало кто сравнится в скорости очистки тарелок.

*Ergo*¹³, в смежной области человеческого поведения у меня тоже не бывало особых затруднений. «Воздержание» никогда не было моим девизом. Не исключаю, что моя репута-

⁹ Фраза из романа Ивлива Во «Возвращение в Брайдсхед».

¹⁰ Дурак (*нем.*).

¹¹ Друг (*исп.*).

¹² Смысл существования (*фр.*).

¹³ Следовательно (*лат.*).

ция ходока по бабам помешала своевременному сексуальному развитию Стюарта. Тем более работа в английской школе имени Шекспира открывает тут богатые возможности. Взять хотя бы дополнительные занятия после уроков один на один и лицом к лицу. Стюарт, конечно, неоднократно звонил ко мне в будуар по телефону и убедился, что автоответчик у меня отзывается на пятнадцати иностранных языках. Но теперь у него по этой части все в порядке, у него же есть Джиллиан.

Честно сказать, у меня как раз не было постоянной подруги, когда он вплыл белым лебедем в винный бар «Сквайрс» и выплыл оттуда об руку с Джиллиан. У меня было дурное настроение, а в дурном настроении я всегда бываю насмешлив, так что я мог отпустить в разговоре пару-тройку злых и несправедливых шуток. Но за него я радовался. Как же иначе? Когда они впервые посетили вдвоем мое жилище, он вел себя ну совершенно как шаловливый щенок, вилял хвостом, играл добытой косточкой, так и хотелось почесать его за ушком.

Я позаботился о том, чтобы моя квартира все-таки имела не такой уж пугающий вид. Набросил на тахту коричневое африканское покрывало, поставил на проигрывателе 3-й акт «Орфея», зажег индийскую ароматическую палочку. И тем ограничился. Эффект: *bienvenue chez Ollie*¹⁴, так мне казалось. Конечно, можно было пойти дальше – приколоть к стене афишу боя быков, чтобы Стюарт чувствовал себя как дома, – но по-моему, не стоит совсем уж затушевывать свою индивидуальность, а то гости не будут знать, с кем разговаривают. Услышав звонок в дверь, я закурил сигарету «Голуаз» и пошел навстречу своей гибели. Или Стюартовой гибели, видно будет.

По крайней мере, Джилл не спросила, почему у меня задернуты шторы в дневное время. Объяснения, которые я каждый раз даю по этому поводу, становятся все более вычурными, на что только не ссылаюсь, начиная от редкой глазной болезни и кончая данью уважения к раннему Одну¹⁵. Впрочем, Стюарт, наверно, ее предупредил.

– Здравствуй, – сказала она. – Стюарт много о тебе рассказывал.

Я изящно поклонился, точно Наталья Макарова в «Ромео и Джульетте», – чтобы разрядить обстановку.

– Боже мой! – воскликнул я и бросился на марокканское покрывало. – Неужели он проболтался про мое боевое ранение? Ай-ай-ай, Стюарт! Я, конечно, понимаю, что не всякий является потомком албанского царя Зога, но зачем было так уж прямо все выбалтывать?

Стюарт тронул ее за локоть – до сих пор я не замечал за ним таких мягких жестов – и тихо сказал:

– Я же предупреждал, что нельзя верить ни одному его слову.

Она кивнула, и я вдруг почувствовал, что меня превосходят числом. Это было странно. Всего только двое против одного, обычно мне требуется гораздо больше народу, чтобы почувствовать численное превосходство противника.

Сейчас я попытаюсь припомнить, как она тогда выглядела. Я не удосужился заложить в бюро забытых вещей своей памяти точный рисунок ее лица и манер, но думаю, что она была в светлой рубашке цветом где-то между шалфеем и приворотным зельем навывпуск поверх серых «вареных» джинсов, на ногах зеленые носки и крайне неэстетичные кроссовки. Каштановые волосы, зачесанные назад и заколотые над ушами, свободно падали сзади; отсутствие косметики придавало лицу бледность, на фоне которой по-особенному звучали широко распахнутые карие глаза; маленький рот и бодро вздернутый нос расположены довольно низко в удлиненном овале лица, чем подчеркивается надменная выпуклость высокого лба. Уши, я обратил внимание, почти без мочек – генетическая черта, получающая сейчас все большее распространение, разве что Дарвин мог бы объяснить почему.

¹⁴ Добро пожаловать к Олли (*фр.*).

¹⁵ Уистен Хью Оден (1907–1973) – известный английский поэт.

Да, вот такой, мне кажется, я ее увидел.

Признаюсь, я не из тех гостеприимцев, которые считают, что переходить в разговоре на личности можно только после долгих обходных маневров. В отличие от чибиса я не увожу собеседника от гнезда, заводя речи на такие животрепещущие темы, как политические события в Восточной Европе, очередной африканский переворот, шансы на выживание китов или зловещая область низкого атмосферного давления, нависающая над нами со стороны Гренландии. Налив Джиллиан и ее кавалеру по кружке китайского чая «Формоза Улун», я без дальних слов стал задавать ей вопросы: сколько ей лет, чем она занимается и живы ли еще ее родители.

Она отнеслась к этому вполне благодушно, хотя Стюарт задергался, как носовая перегородка кролика. Выяснилось, что ей двадцать восемь; что родители (мать – француженка, отец – англичанин) несколько лет как разошлись, отец дал деру с какой-то крошкой; и что она – в прислугах у изящных искусств, обновляет потускневшие краски минувшего. Как вы сказали? Да нет, просто реставрирует живопись.

Перед их уходом я не утерпел, отвел Джиллиан в сторону и сделал ей бесценное замечание, что джинсы-варенки с кроссовками – это катастрофа, просто удивительно, что она среди бела дня прошла по улицам до моего дома и не была пригвождена к позорному столбу.

– А скажи-ка, – проговорила она в ответ, – ты не...

– Да?

– Ты не красишь губы?

3

В то лето я блистал

СТЮАРТ: Только, пожалуйста, не судите Оливера так строго. Его иногда заносит, но по существу он человек добрый и сердечный. Многие его не любят, некоторые даже терпеть не могут, но вы узнайте его с лучшей стороны. Девушки у него нет, денег, можно сказать, ни гроша, да еще работа, от которой с души воротит. Почти весь его сарказм – это просто бравада, и если я мирюсь с его насмешками, неужели вы не можете? Постарайтесь отнестись к нему снисходительнее. Ну, я прошу. Я счастлив. Не расстраивайте меня.

Когда нам было по шестнадцать, мы с ним отправились автостопом в Шотландию. На ночь останавливались в молодежных общежитиях. Я готов был голосовать любой проезжающей машине, но Оливер выставлял большой палец, только если машина отвечала его тонкому вкусу, а на те, что ему не нравились, смотрел волком. Так что нам с автостопом не особенно везло. Но все-таки до Шотландии мы в конце концов добрались. Там почти все время лил дождь. Когда нас в дневное время выставляли из общежития, мы разгуливали по улицам или отсиживались под крышей на автобусных станциях. У нас обоих были ветровки с капюшонами, но Оливер свой на голову не натягивал, говорил, что не хочет быть похожим на монаха и тем поддерживать христианство. Поэтому он промокал сильнее, чем я.

Раз мы целый день просидели в телефонной будке – это было где-то в окрестностях Питлохри, мне помнится, – играли в морской бой. Это такая игра, когда чертят сетку на клетчатой бумаге, и у каждого игрока есть один линкор (четыре клеточки), два крейсера (по три клеточки), три эсминца (по две клеточки) и так далее. И надо потопить весь флот противника. Один из нас должен был сидеть на полу будки, другой стоял, облокотясь на полку для телефонной книги. Я просидел на полу до полудня, а после полудня была моя очередь стоять у полки. Днем мы поели размокших овсяных лепешек, купленных в деревенском магазине. Целый день мы играли в морской бой, и ни одной живой душе не понадобилось позвонить по телефону. Кто выиграл, не помню. А к вечеру распогодилось, и мы пешком вернулись в общежитие. Я стянул с головы капюшон, у меня волосы оказались сухие, а у Оливера – хоть выжимай. Выглянуло солнце. Оливер держал меня под руку. Он поклонился женщине, вышедшей покопаться в палисадничке, и сказал: «Взгляните, мадам, вот идет сухой монах и мокрый грешник». Она удивилась, а мы пошли дальше, под руку и шаг в шаг.

Спустя две-три недели после нашего знакомства я привел Джиллиан в гости к Оливеру. Сначала мне пришлось ее немного подготовить, потому что мало знать меня, чтобы составить представление о моем лучшем друге, Оливер может произвести на постороннего человека неблагоприятное впечатление. Я объяснил, что у Оливера есть некоторые странные вкусы и привычки, но если не обращать на них внимания, то легко доберешься до настоящего Оливера. Предупредил, что окна у него могут оказаться зашторены и в квартире будет пахнуть ароматическими палочками. Но если она постарается держаться так, как будто не находит в этом ничего необыкновенного, все получится хорошо. Она так и держалась, как будто не видит ничего такого, и мне показалось, что Оливеру это скорее не понравилось. По совести говоря, Оливер ведь любит ошарашить человека. Ему приятно на свои выкрутасы получать отклик.

– Он вовсе оказался не такой чудак, как ты описывал, приятель твой, – сказала Джиллиан, когда мы вышли.

– Ну и хорошо.

Я не стал ей объяснять, что Оливер, вопреки обыкновению, вел себя удивительным паинькой.

– Он мне понравился. Смешной. И собой довольно недурен. Он что, красится?

– Никогда не замечал.

– Просто освещение, наверно, такое.

Позже, вечером, когда мы сидели за ужином в индийском ресторане, я, приняв вторую кружку лагера, уж не знаю, что на меня нашло, расхрабрился и сам задал вопрос:

– А ты красишь губы?

Мы разговаривали совсем о другом, и я брякнул это просто так, ни с того ни с сего, но у меня было такое чувство, как будто на самом деле мы говорим об Оливере, и меня обрадовало, что она тоже ответила так, как будто мы не переставали говорить об Оливере, хотя в промежутке перебрано было много разных других тем.

– Нет. Разве ты не видишь?

– Я в этих делах плохо разбираюсь.

Перед ней на тарелке лежала недоеденная курица в соусе тикка-масала и стоял недопитый стакан белого вина. А посредине стола горела толстая красная свеча, пламя ее потрескивало в лужице растопленного воска, рядом со свечой – пластмассовая голубая фиалка. При свете этой свечи я впервые по-настоящему взгляделся в ее лицо. Она... Ну, вы ведь ее видели. Заметили у нее на левой щеке пятнышко веснушек? Заметили? Ну, все равно. В тот вечер волосы у нее были зачесаны от ушей вверх и заколоты двумя черепаховыми заколками, глаза казались темными-темными, и я просто не мог отвести взгляд. Смотрю, смотрю в лучах тающей свечи и не могу наглядеться.

– И я тоже, – наконец проговорил я.

– Чего – тоже? – На этот раз она не подхватила прерванную нить разговора.

– Тоже не крашу губы.

– Ну и хорошо. А на твой взгляд, ничего, что я ношу варенки и кроссовки?

– По мне, можешь носить все, что тебе вздумается.

– Неосмотрительное высказывание.

– У меня неосмотрительное настроение.

Позже я довез ее до дома, где она снимала квартиру на пару с подругой, и стоял, облокотясь о ржавую чугунную загородку, пока она искала в сумочке ключ. Она позволила мне поцеловать себя. Я поцеловал ее очень бережно, отстранился, посмотрел на нее и опять очень бережно поцеловал.

Она сказала шепотом:

– Если не красишь губы, можно не опасаться, что останется след.

Я ее обнял. Обхватил руками и слегка прижал. Но целовать еще раз не стал, потому что боялся расплакаться. Я ее обнял и сразу подтолкнул в дверь, потому что чувствовал, что еще немного, и я вправду расплачусь. Я остался стоять на крыльце один, крепко зажмурясь, и медленно, глубоко дышал.

Мы рассказали друг другу про наши семьи. Мой отец умер от инфаркта несколько лет назад. Мать вроде бы держалась молодцом, даже как будто бы вполне бодро. А потом у нее оказался рак, тотальный.

А у Джиллиан мать была француженка, то есть не была, а есть. Отец – преподаватель. Он отправился на год в Лион на стажировку и привез оттуда мадам Уайетт. Когда Джиллиан исполнилось тринадцать лет, ее отец сбежал с бывшей ученицей, только год как окончившей школу. Ему было сорок два, а ей семнадцать, и ходили слухи, что у них завязался роман, еще когда он был ее учителем, то есть когда ей было пятнадцать, и что будто бы она забеременела. Мог бы произойти страшный скандал, если бы нашлось кому его устраивать. Но они просто снялись с места и исчезли. Мадам Уайетт, наверно, пришлось очень несладко. Словно муж умер и одновременно сбежал с другой.

– А как это подействовало на тебя?

Джиллиан посмотрела так, словно я задал глупый вопрос.

- Было больно. Но мы выжили.
- Тринадцать лет. Ранимый возраст, мне кажется.
- И два года – ранимый, и пять лет. И десять. И пятнадцать.
- Просто я читал, что...

– В сорок, наверно, было бы не так болезненно, – продолжала она твердым, звенящим голосом, какого я у нее раньше не слышал. – Если бы он подождал удирать, пока мне исполнится сорок, было бы, наверно, лучше. Надо бы установить такое правило.

А я подумал: не хочу, чтобы что-то такое случилось с тобой еще когда-нибудь. Мы держались за руки и молчали. Из четырех родителей у нас на двоих остался один. Двое умерли, один в бегах.

– Хорошо бы жизнь была похожа на банк, – сказал я. – Там тоже, конечно, не все ясно устроено. Кое-где такие хитрости понакручены. Но можно все-таки в конце концов разобраться, если постараться как следует. Или если сам не разобрался, есть кто-то, кто разберется, пусть хотя бы задним числом, когда уже поздно. А в жизни, мне кажется, беда та, что даже когда уже поздно, ты все равно, бывает, так ничего и не уразумел. – Я заметил, что она смотрит на меня как-то пристально. – Извини за мрачность.

- Мрачность тебе дозволяется. При условии, что большую часть времени ты веселый.
- Слушаюсь.

Нам действительно было весело в то лето. И присутствие Оливера еще добавляло веселья, это точно. Школа английского языка имени Шекспира на два месяца отключила свою неоновую вывеску, и Оливеру было некуда податься. Он старался не показывать виду, но я-то знал. Мы повсюду бывали вместе. Заходили выпить в кабаки, бросали монеты в игровые автоматы, танцевали в дискотеках, смотрели какие-то фильмы, дурачились, если взбрело в голову. У нас с Джиллиан начиналась любовь, казалось бы, нам лучше оставаться наедине, смотреть в глаза друг другу, держаться за руки, спать вместе. Все это с нами, конечно, происходило, но, кроме того, мы много времени проводили с Оливером. И не думайте, пожалуйста, ничего такого – нам не нужен был свидетель, чтобы завидовал нашей любви, просто нам с ним было легко.

Раз мы поехали на побережье. На пляже к северу от Фринтона наелись мороженого с карамелью, взяли напрокат шезлонги, и Оливер распорядился, чтобы каждый крупными буквами написал на песке свое имя и фамилию и встал у своей надписи, и так мы сфотографировали друг друга. А потом смотрели, как прилив смывает наши подписи, и огорчались – конечно, валяли дурака, убивались и причитали, но только потому, что в глубине души нам и вправду было грустно видеть, как тают на песке наши имена. Вот тогда Джиллиан и сказала, что Оливер разговаривает точно словарь, а он устроил целое представление, и мы покатывались со смеху.

Оливер тоже был не такой, как всегда. Обычно, когда мы оказывались в обществе девушек, он обязательно боролся за первенство, даже, может быть, сам того не желая. Но сейчас ему не за что было состязаться, он ничего не мог ни выиграть, ни проиграть, и от этого все становилось проще. Мы все трое чувствовали, что переживаем особенное время, первое и последнее в жизни лето рождения нашей с Джиллиан любви, не просто лето любви, а именно ее рождения. То лето было единственное в своем роде, и мы все это ощущали.

ДЖИЛЛИАН: После университета я пошла на курсы подготовки социальных работников. Меня не очень надолго хватило. Но я запомнила, что сказала преподавательница на одном занятии. «Вы должны раз и навсегда усвоить, – говорила она, – жизнь каждого человека уникальна и в то же время вполне заурядна».

Беда в том, что когда говоришь о себе, как вот Стюарт говорит, те, кто слушает, склонны делать неверные выводы. Например, когда слышат, что мой отец сбежал с ученицей, обязательно смотрят на меня со значением, подразумевая одно из двух или сразу и то и другое. Во-первых, если твой папаша сбежал с девчонкой только чуть постарше тебя, небось на самом-то

деле он хотел бы сбежать с тобой, а? А во-вторых, общеизвестно, что девушки, которых бросил отец, часто возмещают эту утрату тем, что заводят романы с мужчинами старшего возраста. Как у тебя с этим?

А я бы ответила, что, во-первых, свидетель по этому делу в суд не доставлен и не допрошен; а во-вторых, то, что «общеизвестно», совсем не обязательно верно в отношении меня лично. Жизнь каждого человека заурядна и в то же время уникальна, можно ведь и так перевернуть.

Не знаю, почему Стюарт и Оливер на это согласились. Опять, наверно, у них игра какая-то. Вроде того, как Стюарт притворяется, будто слыхом не слыхивал ни о каком Пикассо, а Оливер притворяется, будто ничего не смыслит в механизмах, изобретенных позже ткацкого станка. Мне, например, не надо никаких игр, никакого притворства. Нет уж, спасибо. Игры – это для детей, а я, как мне иногда кажется, лишилась детства в слишком раннем возрасте.

Единственное могу сказать, что я не совсем согласна с тем, как Стюарт описывает то лето с Оливером. Да, мы действительно много времени проводили вдвоем, с глазу на глаз, начали спать вместе и все такое, но у нас хватало ума понимать, что, даже когда рождается любовь, нельзя жить только друг другом. Хотя, на мой взгляд, отсюда вовсе не следовало, что мы обязаны всюду бывать в обществе Оливера. Конечно, я к нему хорошо относилась – невозможно знать Оливера и не любить его, – но уж очень он хотел всегда играть первую скрипку. Чуть ли не диктовал нам, как мы должны себя вести. Не подумайте, что я жалуясь. Просто вношу некоторые уточнения.

Вот почему не стоит устраивать такие обсуждения. Тому, кого обсуждают, всегда кажется что-нибудь не так.

Я познакомилась со Стюартом. Влюбилась. Вышла замуж. О чем тут рассуждать?

ОЛИВЕР: В то лето я блистал. Почему мы все время говорим «то лето»? Ведь прошел всего год. Оно было подобно беспрерывно тянущейся чистой ноте, одной прозрачной, верно найденной краске. Таким оно осталось в памяти, и так мы все трое его воспринимали тогда, сами того не сознавая, *il me semble*¹⁶. И все лето я блистал.

К тому времени, когда школа имени Шекспира замкнула на летние каникулы свои ворота, дела там приняли довольно тусклый оборот. Виной тому некое недоразумение, по поводу которого я не считал нужным объясняться с самодовольным Хозяином и его Миледи; им все равно, я считал, не понять. Я столкнулся с одной чертой, одной глубоко скрытой слабостью моих иностранных студентов: они, оказывается, неважно владеют английским языком. Это и послужило причиной возникшего недоразумения. Ну, то есть девица приветливо улыбается, горячо кивает, и безмозглый болван Олли, бедняга, принимает эти внешние поведенческие особенности за проявление ответной приязни. И это (вполне естественно, на мой взгляд) привело к ошибке, прискорбной, разумеется, но злосчастного преподавателя никак нельзя за нее винить. А что я якобы ее не пускал, когда она вздумала покинуть мое жилище, и остался глух к ее слезным мольбам – как мог я, страстный поклонник оперного жанра, не отреагировать на потоки пролитых слез? – то это смехотворное преувеличение. Принципал, бездушный кусок лавы из давно остывшего вулкана, потребовал, чтобы я прекратил практику консультаций на дому, и, с сальной ухмылкой подвесив в воздухе темное выражение «сексуальное домогательство», дал мне понять, что за время летних каникул, возможно, вообще пересмотрит условия и сроки своего со мной рабочего соглашения. Я ему ответил, что, по мне, так его условия и сроки он может использовать ректально и желательно без анестезии, а уж тут он и вовсе осатанел и выразил готовность передать вопрос на высокоавторитетное рассмотрение Суда Ее Величества при содействии недотепы квартального или, по крайней мере, в какую-то там комиссию, уполно-

¹⁶ Мне кажется (*фр.*).

моченную совать нос в разногласия между хозяином и работником. Я ответил, что, разумеется, это его неотъемлемое право, но потом задумался и припомнил, о чем меня спрашивала Роза на прошлой неделе. Считается ли это в порядке вещей, согласно английскому обычаю, чтобы пожилой джентльмен, проверяющий ваши отметки за семестр, приглашая вас сесть, похлопал ладонью по дивану, а когда вы сели, не убрал руку? Я уведомил принципала, какой ответ я дал Розе: я объяснил ей, что это вопрос не столько английских обычаев, сколько простой физиологии – дряхлость и старческое бессилие подчас приводят к иссушению бицепса и трицепса, в результате чего разрывается передающая цепь между командным пунктом в мозгу и приглашающим средним пальцем руки. И лишь позже, рассказывая трепещущему принципалу, я спохватился, что за прошедшие двенадцать месяцев с аналогичным вопросом ко мне обращались и некоторые другие ученицы. Которые именно, я сейчас не припомню, но если всех этих учащихся девиц собрать в непринужденной обстановке – скажем, выстроить для опознания шеренгой в полицейском участке, – наверняка можно будет потом использовать это дело как материал для урока в курсе «Британия 80-х годов». Физиономия принципала уже горела ярче неоновой вывески над порталом его академии, и мы взирали один на другого, выпучив глаза совсем не по-братски. Я понимал, что, по-видимому, потерял работу, но совершенно уверен в этом не был. Моя ладья заперла его ферзя; его ладья заперла моего ферзя. Что это будет: вооруженный мир или полное взаимоуничтожение?

Все вышерассказанное надлежит принять во внимание при оценке моего блеска в то лето. Как я уже сказал, я не беспокоил Стю и Джилл своей карьерной заминкой. Вопреки пословице, опыт подсказывает мне, что беда, если ею поделиться с другом, не уполовинится, а наоборот, только распространится по всему свету мощными передатчиками сплетен. Эй, вы там, кто хочет нахаркать с высокой колокольни на страдальца Олли?

Теперь, оглядываясь, я думаю, что, может быть, от моего уныния было даже лучше. Они предоставили мне место в первом ряду среди зрителей перед ареной их счастья, это не позволяло моему дурному настроению вырваться наружу. И можно ли лучше отблагодарить их за это, чем показать им, что семечко их радости проросло и дало всход, пустило корень и расцвело во мне? Выплясывая вокруг них, я не подпускал к ним садовых вредителей. Я их опрыскивал от тли, присыпал порошком против гусениц, поливал раствором от слизняков.

А играть роль Купидона, да будет вам известно, это не то что просто порхать туда-сюда над Аркадией и ощущать щекотку в промежности, когда влюбленные наконец поцелуются. Тут приходится иметь дело с расписаниями поездов и схемами уличного движения, с киноафишами и ресторанными меню, с деньгами и планами на завтра. Надо быть одновременно и бодрячком-заводилой, и гибким психологом. Тут требуется двойное умение отсутствовать, присутствуя, и быть на месте, отсутствуя. Не говорите мне, что толстощекий прислужник любви даром получает свои песеты.

Я сейчас познакомлю вас с одной моей теорией. Вы знаете, что папаша Джиллиан улизнул из семьи с некой nereидой, когда его дочь была всего десяти, или двенадцати, или пятнадцати, или скольких там лет от роду – словом, в возрасте, который ошибочно именуется «впечатлительным», как будто ко всем другим возрастам это определение не относится. А я во фрейдистских притонах слышал, что психологическая травма, нанесенная подобным родительским предательством, часто побуждает дочь по достижении зрелости искать заместителя для сбежавшего архетипа. Иначе говоря, они выбирают в любовники мужчин старшего возраста, что, вообще-то говоря, всегда казалось мне в некотором роде патологией. Начать с того, приглядывались ли вы когда-нибудь к старым мужчинам, пользующимся успехом у молодых женщин? Как они вышагивают, вздергивая зад, загорелые до боже мой, запонки играют всеми цветами радуги, от пиджака благоухает химчисткой. Пальцами шелк, будто мир – официант и всегда к их услугам. Нагло требуют, им ведь полагается... Омерзительно. Прошу прощения, это у меня пунктик. Представлю себе старческие руки в печеночных пятнах, облапившие молодую, соч-

ную грудь, и – *pronto!*¹⁷ – сразу тянет блевать. И еще другое лежит за пределами моего понимания: почему, если тебя бросил отец, надо спать с его заместителем, дарить *la fleur de l'âge*¹⁸ выстроившимся в очередь старым рукощупам? Э, нет, толкуют учебники, тут ты упускаешь существо дела: молодая женщина ищет защиты и опоры, которых ее так грубо лишили; ей нужен отец, который ее не бросит. Ну допустим; но я утверждаю другое: если тебя укусил бродячий пес и рана нагноилась, разве разумно и дальше водить компанию с бродячими псами? По-моему, нет. Заведи кошку, купи волнистого попугайчика; но не связывайся больше с бродячими псами. А что делает она? Продолжает водиться с бездомными собаками. Тут, придется признать, мы имеем дело с темными закоулками женской души, в которых неплохо бы навести ясность чистящим порошком Разума. Кроме того, это омерзительно.

Но какое отношение, быть может, спросите вы, имеет эта моя теория к обсуждаемому вопросу? Согласен, мой стеатопигий приятель – не ровесник вышеупомянутого среброкудрого Дон Жуана, что уехал на закат с очаровательной толстушкой старшего школьного возраста, притороченной на крыше автомобиля, то есть папаши Джиллиан. Однако, присмотревшись, можно заметить, что Стюарт, возможно, в данное время и не старец, однако мало чем от такового отличается. Судите сами. Он является обладателем двух средне-темно-серых костюмов и двух темно-темно-серых костюмов. Он служит в банке, где исправно выполняет что уж там от него требуется, и начальственные личности, которые носят кальсоны в полоску, уж конечно, не оставят его своими заботами, покуда он не покинет пост по старости. Он делает взносы в пенсионный фонд, он застраховал свою жизнь. У него свой наполовину выкупленный дом плюс еще дополнительная ссуда. У него умеренные аппетиты и, прошу прощения за подробности, несколько пониженная сексуальность. И если что и мешает ему быть на ура принятым в тайный орден «тех, кому за пятьдесят», то лишь одно малосущественное обстоятельство: на самом деле ему только тридцать два. Джиллиан эти чувствует и понимает, что именно это ей и нужно. Брак со Стюартом отнюдь не сулит ей богемных фейерверков. Джиллиан просто-напросто взяла себе в мужа самого молодого из пожилых мужчин, какого ей удалось подыскать.

Но правильно ли было бы с моей стороны производить среди них разъяснительную работу на данную тему, пока они украдкой обжимались на пляже, предполагая, что я ничего не замечаю? Друзья существуют не для этого. К тому же я был рад за Стюарта, ему ведь, несмотря на гладкий и округлый *derrière*, нечасто приходилось кататься на нем, как сыр в масле. Он держался за ручку Джиллиан с таким торжествующим видом, можно было подумать, что все предыдущие девицы требовали, чтобы он надевал кухонные рукавицы. Рядом с нею он до некоторой степени освобождался от своей природной неуклюжести. Даже танцевать стал лучше. Обычно он выше корявой припрыжки подняться не мог, но в то лето выплясывал довольно лихо. Я же, в тех случаях, когда имя Джиллиан украшало мою бальную программку, всячески себя осаживал, чтобы не дать повода для огорчительного сравнения. Быть может, даже выказывал на паркете несвойственную мне беспомощность? Не исключаю. Как на чей взгляд.

Вот так мы жили в то лето. Печалям места не было. Во Фринтоне мы добрых два часа кряду провозились у игрального автомата, опускали монетки, дергали рычаг, и хоть бы раз нам выпали три вишенки кряду. Огорчались мы из-за этого? Мне запомнился, однако, один пронзительно печальный миг. Мы сидели на пляже, и кто-то из нас, возможно даже я как неизменный затейник, предложил, чтобы каждый написал крупными буквами на песке свое имя, и потом чтобы один кто-нибудь вылез на дорожку над пляжем и сфотографировал подпись вместе с подписавшимся. Занятие, которое было старо еще во времена Беовульфа, я знаю, но постоянно новых забав не насочиняешься. Когда подошла моя очередь позировать, Джиллиан поднялась на дорожку вместе со Стюартом, может быть, хотела ему показать, как управляться

¹⁷ Живо! (*ит.*)

¹⁸ Зд. цвет своих лет (*фр.*).

с автонастройкой, не знаю. Дело было к вечеру, с Северного моря дул самодовольный восточный ветер, низкое солнце уже не припекало, купающиеся почти все разошлись. Я стоял один на всем пляже возле выписанного витиеватым курсивом слова «Оливер» (они-то, конечно, писали печатными буквами), задрал голову, посмотрел на них, Стюарт скомандовал: «Сыр!» Джиллиан крикнула: «Горгондзола!», Стю крикнул: «Камамбер!», Джиллиан: «Дольчелатте!», и я вдруг ни с того ни сего разрыдался. Смотрю на них снизу и плачу навзрыд. А тут еще к моим слезам подмешался блеск заходящего солнца, я совсем ослеп, вижу только цветную промывку в глазах. Мне казалось, я так буду плакать всю жизнь. Стю крикнул: «Уэнслидейл!», а я завыл в голос, как шакал, как жалкий бездомный пес. Сел на песок, стер пяткой последнюю букву в «Оливере» и сажу. Наконец они спустились и спасли меня.

А потом я снова развеселился, и они развеселились. Люди, когда влюбляются, приобретают такую способность мгновенно переходить от слез к смеху, вы не замечали? И не в том только дело, что им ничто не может причинить вреда (о, это старинное приятное заблуждение), но ничто не может причинить вреда и тем, кто им дорог. *Frère*¹⁹ Олли? Разрыдался на пляже? Расплакался, когда его фотографировали? Да нет, пустяки, отзовите людей в белых халатах, уберите «скорую помощь», обитую изнутри войлоком, у нас свое средство первой медицинской помощи. Называется – любовь. Бывает в разной упаковке и в любой форме: и бинт, и лейкопластырь, и вата, и марля, и мазь. И даже обезболивающий спрей. Давайте испробуем на Олли. Видите, он стоял, и упал, и башку себе сломал? Побрызгаем: пш-ш-ш, вж-ж-ж, ну вот, так-то лучше, дружище Олли, вставай.

Я встал. Поднялся на ноги и снова развеселился. Веселенький Оллинька, мы его подлатили, вот что может сделать любовь. Еще разок вспрыснем, Олли? Напоследок, для поднятия тонуса?

В тот вечер они отвезли меня домой в принадлежавшем Джиллиан невыносимо затрапезном авто. Вот уж точно не «лагонда». Я вылез из машины, и они вылезли тоже. Я чмокнул Джиллиан в щечку и взъерошил бобрлик Стюарта, а он ободряюще-заботливо мне улыбнулся. Затем я легко, как Нуреев, вспорхнул по ступеням крыльца и ускользнул в дверь, одним мановением руки отперев оба замка. А у себя бросился на свою все понимающую кровать и залился слезами.

¹⁹ Брат (*фр.*).

4

Теперь

СТЮАРТ: Сейчас – теперь. Сейчас – сегодня. Мы уже месяц женаты. Я люблю Джиллиан. Я счастлив, да, счастлив. Наконец для меня все устроилось хорошо. Сейчас – теперь.

ДЖИЛЛИАН: Я вышла замуж. Отчасти я не верила, что это когда-нибудь будет, отчасти этого не одобряла, а отчасти, сказать по правде, побаивалась. Но я полюбила. Стюарт хороший, добрый, и он меня любит. Теперь я замужем.

ОЛИВЕР: О черт. Черт, черт, черт, ЧЕРТ. Я влюбился в Джилли, мне только теперь стало это ясно. Я люблю Джилли. Я удивлен, потрясен, обескуражен, ошарашен. А также перепуган до сотрясения мозжечка. Что теперь будет?

5

Все начинается здесь

СТЮАРТ: Все начинается здесь. Я не перестаю это себе твердить. Все начинается отсюда.

В школе я числился в середнячках. О том, чтобы мне после школы пойти в университет, разговору не было. Я окончил заочные курсы по экономике и коммерческому праву и был принят в банк на общую стажировку. Сейчас работаю в отделе валютнообменных операций. Что это за банк, лучше говорить не буду, а то, может быть, начальство это не одобрит. Но банк известный. Мне дали ясно понять, что птицей высокого полета я не стану, но каждое учреждение нуждается в сотрудниках, которые особенно высоко не метят, ну и меня это вполне устраивает. Родители мои были из тех, которые, что ни делай, всегда немного разочарованы, словно ты в чем-то их отчасти подвел. Из-за этого, я думаю, сестра моя переехала жить на Север. Но, с другой стороны, их тоже можно понять. Я нельзя сказать чтобы оправдал их ожидания. Я и сам был собой не особенно доволен. Я уже объяснял, что чувствую себя скованно с теми, кто мне нравится, не умею расположить к себе, показать себя с выгодной стороны. Собственно говоря, у меня всю жизнь было так. Я никогда не мог добиться, чтобы меня ценили по заслугам. Но появилась Джиллиан, и все начинается отсюда.

Оливер, наверно, вам намекнул, что я, когда женился, был девственником, и, конечно, эту свою гипотезу про меня изложил в самых замысловатых выражениях. Так вот, это неправда. Я Оливеру рассказываю не все. Вы бы ему тоже все не стали рассказывать. Он, когда в хорошем настроении, может ненароком выболтать любой секрет, а в мрачном иной раз бывает совершенно безжалостен. Так что во все обстоятельства своей жизни его посвящать не стоит. Изредка мы ездили с ним на свидания двое на двое, но из таких парных свиданий никогда ничего хорошего не получалось. Начать с того, что девиц всегда приводил Оливер, а деньги платил я, хотя, естественно, я должен был загодя сунуть ему его половину, чтобы они не знали, кто расплачивается на самом деле. Раз как-то он даже распорядился, чтобы я отдал ему всю наличность, хотел создать впечатление, что это он один платит за всех. Мы шли в ресторан, и Оливер начинал командовать.

– Нет, это блюдо ни в коем случае заказывать нельзя. У тебя же на закуску грибы со сметаной, – бывало скажет. Или: фенхель и перно. Или еще что-то с еще чем-нибудь. Вам не кажется вообще, что мир стал чересчур интересоваться едой? Она ведь скоро выходит вон с другого конца. Ее не сбережешь, не накопишь. Не то что деньги.

– Но я люблю грибы со сметаной.

– Тогда заказывай их на главное, а закуску из баклажанов.

– А я не люблю баклажаны.

– Слыхал, Стю? Ей мерзок баклажан блестящий. Ну ничего, попробуем сегодня переманить ее в нашу веру.

И все в таком духе. Потом начинаются переговоры с официантом насчет вина. На этой стадии я обычно не выдерживал и выходил в туалет. Оливер начинал с того, что обращался к сидящим за столом:

– Не рискнуть ли нам *ce soir*²⁰ на австралийское шардоне?

И получив от нас принципиальное согласие, принимается доставать душу из бедного официанта:

²⁰ Сегодня вечером (фр.).

– Как, на ваш взгляд, выставочный запас? Достаточный возраст розлива? Я люблю шардоне жирное, маслянистое, но не чересчур, если вы меня понимаете. А как насчет дубового привкуса? Я лично нахожу, что в колониях перебарщивают с дубом, вы не согласны?

Официант обычно поддакивает, угадав в Оливере клиента, который, несмотря на всю эту словесность, на самом деле в его советах не нуждается, надо просто понемногу выбирать леску, как при ловле рыбы. В конце концов заказ на вино сделан. Но это еще не конец моих терзаний. Необходимо еще, чтобы Оливер одобрил вино, которое сам же выбрал. Было время, он сначала отхлебывал, полоскал рот, закатывал глаза и на несколько секунд погружался в медитацию. Но потом прочитал где-то, что пробуют вино перед тем, как разливать, не для того, чтобы проверить, нравится ли оно вам на вкус, а чтобы убедиться, что оно не отдает пробкой. Если вам не нравится вкус вина – ваша проблема, вы ведь его сами выбрали. Человек понимающий только плеснет чуть-чуть в бокал, поболтает, принимает и уже знает, не испорчено ли заказанное им вино. Оливер принял это к сведению и теперь ограничивался тем, что несколько раз звучно втянет носом воздух, потом кивнет, и все дела. Но иногда, если ему казалось, что кто-то из девиц недопонял смысл его священнодействия, он все же пускался в многословные объяснения.

Должен признаться, что вино, которое заказывал Оливер, все-таки обычно оказывалось большой дрянью. Возможно даже, что оно и вправду отдавало пробкой.

Теперь-то какая разница? И какая разница, был ли я девственником, когда познакомился с Джиллиан? Не был, как я уже сказал, хотя не обманываю себя, эта сфера, куда я не допускал Оливера, вовсе не состояла у меня из одних триумфов. По-всякому бывало, в целом средне, что бы это слово, «средне», ни означало в данном контексте. Иной раз вроде славно, иной раз не без напряжения, а бывало и так, что в самый ответственный момент приходилось напоминать самому себе, что не следует отвлекаться. Словом, средне. Но потом появилась Джиллиан, и все начинается отсюда. В теперь.

Люблю это слово: теперь. Сейчас – теперь. Больше уже не «тогда». «Тогда» ушло. Не важно, что я не оправдал ожидания родителей. И свои собственные ожидания. Не важно, что я не умел располагать к себе людей. Это все было тогда, а тогда уже ушло. Сейчас теперь.

Я не говорю, что вдруг преобразился. Я не лягушка, которую поцеловала принцесса, или как это там в сказке. Я не сделался в одночасье невероятным остряком и красавцем – вы бы заметили, правда? – или выдающейся личностью в окружении многолюдной семьи, которая примет Джиллиан в свой круг. (Интересно, существуют ли на самом деле такие семьи? По телевидению постоянно показывают богатые дома, а в них полно чудаковатых старых тетюшек, и милых ребятишек, и разных занятых взрослых мужчин и женщин, они переживают подъемы и спады, но всегда сплоченно выступают на защиту «интересов семьи», что бы под этим ни подразумевалось. На мой взгляд, в жизни все не так. Кого ни возьми из моих знакомых, у всех родительские семьи небольшие и неполные, причина – иногда смерть, иногда развод, а чаще просто несогласие и скука. И ни у кого из тех, кого я знаю, нет чувства «семьи». Есть мама, которую любят, и папаша, которого терпеть не могут, или наоборот, а чудаковатые старые тетки, с которыми я знаком, чудаковаты по большей части тем, что втайне пьют, воняют, как немые собаки, или страдают, оказывается, болезнью Альцгеймера или чем-то еще в этом роде.) Нет, со мной произошло другое: я остался каким был, да только теперь это вовсе не плохо – быть таким, какой я есть. Принцесса поцеловала лягушонка, но он не обернулся прекрасным принцем, а остался самим собой, и это вовсе не плохо, потому что принцессе этот лягушонок нравится. Может быть, если бы я обернулся прекрасным принцем, Джиллиан мне, то есть ему, указала бы на дверь. Такая она, Джиллиан, не любит принцев.

Честно признаться, я немного трусил, когда шел знакомиться с ее матерью. С утра надраил ботинки до фантастического блеска. К теще (я уже так о ней думал, да еще к теще-француженке, брошенной мужем-англичанином, дочь приводит англичанина, за кото-

рого собирается замуж. Помнится, я представлял себе, что она окажет мне совершенно ледяной прием и будет сидеть на золотом пуфике спиной к зеркалу в золоченой раме или же, наоборот, окажется краснолицей и тучной, повернется мне навстречу от плиты, держа в руке деревянную ложку, и наградит смачным поцелуем с запахом чеснока и бульона. Второй вариант мне был в общем и целом предпочтительнее, но, само собой, вышло не так и не этак. А вы говорите: семья. Миссис, вернее – мадам Уайетт была в лаковых туфлях и в хорошем коричневом костюме с золотой брошью. Держалась любезно, но не более сердечно, чем того требовала вежливость; покосилась на джинсы Джиллиан, однако от замечаний воздержалась. Мы пили чай и в застольной беседе говорили обо всем, кроме двух обстоятельств, представлявших интерес для меня, а именно: что я люблю ее дочь и что ее муж сбежал от нее со школьницей. Мадам Уайетт не поинтересовалась ни какие у меня перспективы на службе, ни сколько я зарабатываю, ни спим ли мы уже с ее дочерью, а я как раз этих вопросов от нее ждал. Она производила – производит впечатление, что называется, интересной женщины, хотя в этом выражении мне слышится что-то неуместно снисходительное. (Что оно значит? Что она для ее возраста на удивление привлекательна – если прилично оценивать с этой точки зрения женщину в ее годах? Но ведь кому-то она может еще понравиться, мало ли, возможно, даже нравится сейчас, чего я ей искренне желаю.) Иначе говоря, у нее правильные черты лица и модно подстриженные, судя по всему подкрашенные, изящно уложенные волосы, а держится она так, как будто было время, когда на нее все оборачивались, и она хочет, чтобы вы имели это в виду и сейчас. Я разглядывал ее, пока мы сидели за чайным столом. Не только из вежливого внимания, но и чтобы представить себе, какой будет в старости Джиллиан. Говорят, это решающий момент – первое знакомство с матерью вашей жены. Вы либо броситесь удирать со всех ног, либо с облегчением откинетесь на спинку стула: ну, если она будет такой, меня это более чем устраивает. (И будущая теща, должно быть, угадывает мысли жениха. Если нужно, она даже может нарочно принять безобразный вид, чтобы отпугнуть его.) Но я, глядя на мадам Уайетт, не испытал ни того ни другого. Я смотрел на твердый подбородок, на выпуклый лоб, на очерк рта матери и видел за ним рот дочери, который я целовал и не мог нацеловаться. Но, замечая сходство (тот же лоб, так же посажены глаза), понимая, что на посторонний взгляд они вправду походят на мать и дочь, я все равно не верил, не представлял себе, что Джиллиан превратится в мадам Уайетт. Не могло этого быть по той простой причине, что Джиллиан вообще никогда не превратится ни в кого другого. Конечно, она будет меняться, я не настолько глуп и не так влюблен, чтобы не понимать этого. Она изменится, но останется собой, она станет иной версией самой себя. И я буду свидетелем этого.

– Ну как? – спросил я, когда мы ехали в машине назад. – Я выдержал экзамен?

– Тебя никто и не экзаменовал.

– Нет? – Я был даже отчасти разочарован.

– Она действует по-другому.

– Как же?

Джиллиан переключила скорость, поджала губы, такие похожие и при этом совсем не похожие на материнские, и ответила:

– Ждет.

Сначала мне это совсем не понравилось. Но потом я подумал: а что? И я тоже могу подождать. Подождать, пока мадам Уайетт разглядит меня получше и поймет, что нашла во мне Джиллиан. Я могу подождать ее одобрения. Подождать, пока она поймет, отчего Джиллиан со мной счастлива.

– Ты счастлива? – спросил я.

– Угу. – Не отрывая глаз от уличного движения, она сняла на минутку руку с рычага скоростей, погладила меня по колену, а потом переключила скорость. – Счастлива.

И знаете что? У нас будут дети. Нет, я не имею в виду, что она беременна, хотя я бы лично не против. Это я на дальнюю перспективу. Честно сказать, мы еще этот вопрос не обсуждали; но я пару раз видел ее с детьми – она, похоже, прямо от природы умеет с ними ладить. Настраиваться на одну с ними волну. Ее несколько не удивляет, как они себя ведут, как на что реагируют. Для нее это совершенно нормальные вещи. Я вообще к детям отношусь неплохо, но пока еще толком в них не разобрался. Они для меня загадка. Почему они придают такое огромное значение каким-то пустякам, а то, что гораздо важнее, им безразлично? Налетит такой с разгону на угол телевизора, думаешь: ну все, череп проломил, а он отскакивает мячиком, и как ни в чем не бывало. Зато через минуту может легонько шлепнуться на попку, где у него проложено, наверно, штук пятнадцать памперсов, и давай реветь в три ручья. В чем тут дело? Почему так непропорционально?

Но все равно я хочу, чтобы у нас с Джиллиан были дети. Это же естественно. И она, конечно, тоже захочет, когда придет время. Женщины знают, когда подходит время, верно ведь? Я уже дал им обещание, детишкам, которые у нас будут. Я постараюсь вас понять и принять такими, какие вы есть. И буду вас поддерживать, какое бы дело вы себе ни выбрали.

ДЖИЛЛИАН: Кажется, все-таки есть одно, что меня в Стюарте беспокоит. Иногда я сижу работаю у себя в студии – это только одно название что студия, а на самом деле комнатка двенадцать футов на двенадцать, но все равно – по радио играет музыка, и я отключаюсь, вроде как работаю на автопилоте. И вдруг меня пронзает мысль: только бы он во мне не разочаровался. Странная, наверно, мысль, когда ты всего месяц как замужем, но факт. Так я чувствую.

Я обычно никому не рассказываю, но раньше я проходила подготовку в социальные работники. На эту тему люди тоже склонны рассуждать примитивно, вслух или хотя бы про себя. Само собой очевидно, что я пыталась делать для моих подопечных то, чего не смогла сделать для родителей, – помочь наладить их жизнь, их взаимоотношения. Это совершенно ясно всем, правда? Всем, кроме меня.

Но даже если и пыталась, все равно ничего не выходило. Я проработала полтора года, а потом сдалась и ушла. За это время я повидала немало людей, жизнь которых не удалась. Большею частью это пострадавшие, перенесшие крах – эмоциональный, финансовый, социальный, – иногда сами виноваты, но чаще семья, родители, мужья; люди сознают себя жертвами и живут с этим сознанием неотступно.

Но были и другие, разочарованные, павшие духом. Эти еще хуже, еще безнадежнее. Начинали жизнь с самыми радужными ожиданиями, а потом доверялись какому-нибудь психопату, фантазеру, связывали свою судьбу с пьяницей, который вдобавок их избивал. И год за годом не отступались, продолжали верить вопреки очевидности, стоять на своем, когда это уже безумие. А потом вдруг, в один прекрасный день, – сдавались. Что может сделать для таких людей Джиллиан Уайетт, социальный работник двадцати двух лет? Уверю вас, профессиональные навыки и жизнерадостные улыбки тут бессильны.

Люди, у которых сломлен дух. Видеть это было выше моих сил. Вот откуда позже, когда я стала любить Стюарта, пришла ко мне эта мысль: только бы он во мне не разочаровался. Раньше у меня ни с кем не возникало такого опасения. Я не беспокоилась, что будет потом, как все сложится в будущем, что обо мне подумают, оглядываясь назад.

Послушайте, я не хочу играть в эту... игру. Но и сидеть в углу, заткнув себе рот платком, тоже бессмысленно. Уж лучше я расскажу, что знаю и как понимаю.

До знакомства со Стюартом у меня были романы. Был эпизод, когда я почти влюбилась, несколько раз мне делали предложение; с другой стороны, как-то у меня никого и ничего не было целый год – неохота было возиться. Некоторые мои мужчины мне «в отцы годились», как говорится, но были и молодые. Ну и что же из этого следует? Люди услышат что-то краем уха и сразу принимаются строить теории. Получается, будто я вышла за Стюарта, так как считаю,

что он меня не подведет, как подвел отец? Ничего подобного. Я вышла за него, потому что я его полюбила. Потому что я его люблю, уважаю и мне с ним хорошо. Сначала он мне не особенно нравился, так себе. И это еще тоже ничего не значит. Сразу определить, по сердцу тебе человек или нет, нелегко.

Мы сидели в той гостинице и держали в руках большие бокалы с хересом. Что там было, скотоводческая ярмарка? Нет, разумные, рассудительные люди предпринимали серьезный шаг в своей жизни. И оказалось, что для нас этот шаг оправдался, нам повезло. Но это было не только везение. Сидеть и дуться на белый свет – плохой способ заводить новые знакомства.

Я считаю, в жизни надо выяснить, к чему у тебя способности, а что тебе не по зубам, решить, чего хочешь, и стремиться к этому, но только потом не раскаиваться. Господи, ну прямо проповедь получилась. Словами все не выразить, правда?

Может быть, поэтому я люблю свою работу. В ней не приходится пользоваться словами. Я сижу в своей комнатке под крышей, орудуя тампонами и растворителями, кистями и красками. Только я и картина, и можно еще включить музыку по радио. Даже телефона нет. Я не особенно люблю, чтобы Стюарт сюда поднимался. Разрушаются чары.

Бывает, картина, над которой работаешь, тебе отвечает. Тогда прямо дух захватывает: смываешь верхний слой краски и видишь, что под ним что-то есть. Бывает, хотя и редко. Но от этого только интереснее. Например, в XIX веке в огромных количествах зарисовывали обнаженную женскую грудь. И вот чистишь портрет предположительно знатной итальянки, и постепенно проявляется сосущий младенец. У тебя на глазах знатная дама превратилась в Мадонну. Словно ты первая за много лет, кому она доверила свою тайну.

Месяц назад я работала над лесной сценой и обнаружила кем-то записанного вепря. Картина сразу переменилась. Была мирная кавалькада, спокойно едущая по зеленому лесу, почти увеселительная прогулка, но когда показался зверь, стало ясно, что изначально это была сцена охоты. Добрых сто лет дикий вепрь прятался от глаз позади пышного и, вообще-то, не слишком убедительно написанного куста. И вот теперь, у меня в студии, все без дальних слов стало опять таким, каким было задумано. Стоило всего только снять верхний красочный слой.

ОЛИВЕР: О черт.

Всею виной ее лицо. Она стояла у выхода из мэрии, а позади нее муниципальные куранты отсчитывали первые ослепительные мгновения супружеского счастья. На ней был льняной костюм цвета шпината со сметаной, юбка чуть выше колена. Всем известно, что лен легко мнется и сразу теряет вид, как робкая любовь; но Джиллиан выглядела совершенно как новенькая. Волосы она зачесала с одной стороны назад и стояла с улыбкой на губах, адресованной вообще всему человечеству. Она вовсе не держалась за стеатопигого Стю, хотя руку ему под локоть просунула, это правда. Она лучилась, светилась, она была вся здесь и одновременно где-то в дразнящей дали, запряталась в этот публичный миг куда-то вглубь себя. Только я один это заметил, остальные думали, что она просто счастлива. Но я-то видел. Я подошел к ней, чмокнул в щеку и пробормотал поздравления в ее единственное открытое ухо без мочки. Она ответила, но словно бы не мне, а в пустоту, и тогда я помахал рукой у ее лица, как стрелочник, дающий отмашку несущемуся экспрессу, она на минуту очнулась, засмеялась и возвратилась в тайный мир своего замужества.

– У тебя вид ослепительный, – сказал я, но она не отозвалась.

Не знаю, может быть, ответ она мне, и все сложилось бы иначе. Но она промолчала, и потому я продолжал на нее смотреть. Она была вся нежно-зеленая с каштановым, а под горлом – искристый изумруд; я шарил взглядом по ее лицу, от крутой выпуклости лба до ложбинки на чуть раздвоенном подбородке; щеки ее, часто такие бледные, были как бы припудрены румяным золотом зари, хотя была ли то пудра внешняя, хранящаяся в сумочке, или же глубинная, наложенная упоением, я не мог или не хотел угадать; ртом владела непроходящая полуулыбка;

глаза были ее лучезарным приданым. Я обшарил взглядом все ее лицо, все до малейшей черточки, понимаете?

Мне было невыносимо, что вот она, здесь, и в то же время не здесь; как я для нее присутствую и одновременно не присутствую. Помните рассуждения философов, что мы существуем лишь постольку, поскольку кто-то или что-то помимо нас самих воспринимает нас существующими? Перед мерцающим взором новобрачной, то видящим, то невидящим, старина Олли обмирал от экзистенциальной угрозы своему существованию. Сейчас она моргнет, и меня не станет. Поэтому-то, наверно, я и заделался напоследок этакой Дианой Арбус²¹, схватил аппарат и стал жизнерадостно скакать и метаться в поисках подходящего ракурса, чтобы наглядно выставить эмбриональный второй подбородок Стюарта в наиболее комичном виде. Замещающая деятельность. Полное отчаяние, как вы сами видите, ужас перед забвением. Никто, разумеется, не догадался.

Я был и виноват, и не виноват. Понимаете, я хотел, чтобы венчание состоялось в церкви и чтобы я был шафером. Они тогда не поняли, мне и самому тоже было непонятно. Мы все были люди нецерковные, и среди родственников нет фундаменталистов, чье религиозное чувство следовало уважить. Отсутствие при бракосочетании фигуры в белом кружевном облачении не привело бы к смертной казни через лишение наследства. Но Олли, похоже, обладал провидческим даром. Я заявил, что хочу быть шафером и чтобы они венчались в церкви. Я спорил, настаивал. Даже скандалил. Произносил разоблачительные гамлетовские монологи. Естественно, я был пьян, если уж хотите знать.

– Послушай, Оливер, – наконец сказал мне Стюарт. – Ты что-то перепутал. Это наша свадьба, и мы уже пригласили тебя в свидетели.

²¹ Диана Арбус (1923–1971) – американский фотограф-документалист, прославившаяся снимками маргинальных персонажей, людей с физическими отклонениями и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.